

Д. И. РАСКИН, И. Я. ФРОЯНОВ, А. Л. ШАПИРО

О ФОРМАХ ЧЕРНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
XIV—XVII вв.

Прежде всего о заглавии: собственность и владение — несовпадающие понятия. Когда мы озаглавили статью термином «землевладение», мы имели в виду и собственность, и владение, имели в виду и процесс их взаимоперехода. XIV—XVII вв. избраны в статье потому, что это классическая пора феодализма, когда он уже сложился, а капиталистический уклад в его недрах еще не оформился.

При феодализме, кроме господствующей феодальной земельной собственности, предполагающей получение собственником отработочной, продуктовой или денежной ренты от державших землю крестьян, существовало землевладение, основанное на применении труда рабов (страдников на пашне); существовало и основанное на применении личного труда мелкое вотчинное землевладение черных крестьян, а также некрестьян. При феодализме сохранялись остатки общинной собственности на землю и появились зачатки буржуазной собственности, предполагающей использование наемного труда для производства сельскохозяйственных товаров. Эти разновидности земельной собственности различались по своей социально-экономической природе, и правильнее считать их не формами, а типами земельной собственности.

Типы земельной собственности феодального общества могли приобретать разную форму. Классическая феодальная земельная собственность выступала в безусловной (вотчина) и условной (поместье) форме; она была то личной (семейной), то корпоративной, то государственной. Мы уже не говорим о существенных различиях между крупной, средней и мелкой собственностью.

В настоящей статье мы попытаемся охарактеризовать лишь формы черного крестьянского землевладения и будем обращаться к землевладению частных светских и духовных феодалов лишь постольку, поскольку оно оказывало действительное влияние на черносошную деревню.

Наиболее ранним типом крестьянского землевладения является тот, который ведет нас к первобытнообщинным истокам. При этом следует иметь в виду, что родовой строй — это не только архаика, уцелевшая от первобытных времен, но и жизнь, продолжающаяся в рамках средневековья. Ф. Энгельс указывал: «... родовой строй может продолжать существовать в течение целых столетий в измененной, территориальной форме в виде маркового строя и даже на некоторое время восстанавливаться в более слабой форме в позднейших дворянских и патрицианских родах, и даже в родах крестьянских».¹ Следовательно, поиски родовых рудиментов в средневековой Руси надо вести по двум направлениям: по линии территориальной общины, во-первых, и крестьянских родов, во-вторых.

Древний род распадался не на малые семьи, состоящие из отца, матери и детей, а на большие семейные союзы, объединявшие родителей и взрослых семейных сыновей или неразделившихся братьев с женами, детьми, зятьями, внуками. Иногда большая семья включала более широкий круг родственников, а также лиц, не связанных с главой семьи родственными узам.

Новгородские писцовые книги конца XV — начала XVI в. сохранили данные о типе и степени распространенности в это время больших семей в Северо-Западной Руси. Здесь резко преобладали крестьянские дворы из одной малой семьи, хотя встречались и такие, в которые входили две (а иногда и больше) малые семьи. В Деревской пятине среднее число семейных мужчин на двор было незначительным — 1.1. В Водской и Шелонской пятинах оно было более высоким (1.4—1.6), а в северных (заонежских) погостах достигало 1.7.² Здесь дворы с двумя, тремя и даже четырьмя неразделенными семьями не были редкостью. Такие семьи нередко упоминаются и в актовом материале, относящемся к Северо-Восточной Руси.³

Быть может, на севере в XIV в. еще сохранялись семьи, включающие в свой состав более широкий круг родственников, чем братья и племянники. В таком смысле толкует Л. В. Данилова купчую на Разуев остров (не ранее 1359 г.), где один из продав-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 169.

² Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Под ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971, с. 322.

³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. II. М., 1956, № 229, 290, 293, 305, 333, 337, 374, 418 (далее — АСВР, т. II); Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III. М., 1964, № 13, 48, 163, 172, 173 (далее — АСВР, т. III); Ю. Г. Алексеев. 1) Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.—Л., 1966, с. 18; 2) Черная волость Костромского уезда. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967, с. 73.

цов — Гошкуй стоял у печати «отто всего племени» продавцов.⁴ А. Я. Ефименко упоминает о разделе семьи, состоявшей из 12 дядей, племянников и двоюродных братьев, и о семье из шести взрослых мужчин. Можно привести известия о других неразделившихся семьях. Но А. Я. Ефименко полагала, что их можно считать «чистым типом» настоящей южнославянской задруги и что они являлись господствующим типом крестьянского хозяйства до присоединения Новгородской земли к Москве. Мы сейчас отлично знаем, что господствующим типом тогда было хозяйство малой семьи, а встречающиеся неразделенные семьи по своим размерам, как правило, были меньше обычной южной задруги. Это, конечно, не значит, что у восточных славян крупных семейных общин-задруг не было вовсе. Однако в рассматриваемое время о них уже говорить не приходится или почти не приходится. Речь, очевидно, должна идти не о задруге, а о большой отцовской семье.⁵

В XV—XVI вв. в сочетании с господствующим трехпольем в лесной полосе была широко распространена подсека, которая требовала больших трудовых усилий на расчистку земли. Но нельзя связывать устойчивость большой отцовской семьи только с подсечным земледелием. В Шелонской пятине, где подсека несомненно играла меньшую роль по сравнению с Деревской, большие семьи встречались значительно чаще, чем в этой последней. Даже в конце XIX в. большие семьи и вообще всякие многосемейные дворы имели определенные преимущества. В. И. Ленин отмечал, что «масса расходов в большесемейном дворе сокращается (на постройки, на домашнее обзаведение и хозяйство и пр.)».⁶

⁴ ГВНЦ, № 106; Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 267. Впрочем, возможно, племя состояло из четырех братьев. 4 человека поименно названы в купчей грамоте.

⁵ М. М. Ковалевский говорит о задругах, насчитывавших целые десятки и сотни семей (М. М. Ковалевский. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879, с. 75. См. также записи К. Маркса, сделанные при изучении этой книги. — Советское востоковедение, 1958, № 3, с. 5). А. Я. Ефименко тоже пишет о задругах, в которых было до ста человек, но она полагала, что в некоторых местах имелись задруги, насчитывавшие по 20 человек и даже меньше (А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни. Вып. I. М., 1884, с. 57). Современный исследователь М. О. Косвен количественный состав семейной общины рассматривает исторически. В древнейшие времена, в эпоху патриархата, она доходила до 300 человек. Позднее, с распадом первобытнообщинного строя, семейная община уменьшилась до 40—70 человек. В условиях классового общества семейная община превратилась в особый тип большой семьи, которую М. О. Косвен именует отцовской. Последняя, по его мнению, состояла из 15—40 человек. При этом надо учитывать, что отцовская семья и задруга — разные формы семейной общины (М. О. Косвен. 1) Семейная община. — Советская этнография, 1948, № 3, с. 8, 18, 21; 2) Семейная община и патронимия. М., 1963, с. 49, 65, 71).

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 127.

Большие семьи привлекают наше внимание в той мере, в какой они воздействовали на развитие поземельных отношений, и постольку, поскольку именно в недрах большесемейных объединений, воспринявших родовые традиции, вырабатывались принципы, определявшие понятие «вотчина». Термином «вотчина» (отчина) первоначально обозначалось только унаследованное от отца имущество. Нередко он употреблялся вместе с термином «дедина» в противопоставление купле и другому приобретенному не по наследству имуществу, т. е. первоначально термин «вотчина» был уже понятием «аллод».

В источниках XIV—XVI вв. наследственные владения черных крестьян, как и наследственные владения своеземцев, бояр или князей, именуются вотчинами. Но это не значит, что можно ставить знак равенства между этими типами землевладения. Необходимо строго различать три типа вотчин:

- а) вотчина черного крестьянина, на которую распространяются волостные разубы повинностей и власть волости;
- б) вотчина мелкого землевладельца, который не подвластен волости, не участвует в волостном тягле и сам обрабатывает свою землю (сюда относится значительная часть своеземцев);
- в) вотчина землевладельца, в которой сидят так или иначе зависимые от него и выплачивающие ему ренту люди; это уже феодальная вотчина.

В современной исторической литературе земельные владения черных крестьян XIV—XVI вв. обычно не называются вотчинами, и это находит себе оправдание в том, что вотчина черного крестьянина очень сильно отличается от вотчинного владения некрестьян, и особенно феодалов. Но не следует забывать, что люди XIV—XVI вв. именовали наследственные земли тем самым термином, которым они обозначали привилегированные земельные владения.⁷

Наследственные, как и купленные черными крестьянами, земли, а также земли, освоенные ими в результате заимки, являлись в XIV—XVI вв. объектом купли-продажи, залога и вклада в монастырь; они носили на себе явные черты аллодиального владения. А. И. Копанев привел многочисленные факты продажи и завещания земель Кирилло-Белозерскому монастырю в XIV—XV вв. людьми, которых он с полным основанием считает волостными крестьянами.⁸ О продаже волостными крестьянами XIV—XVI в. своей земли в центральных районах страны сообщают

⁷ О крестьянской вотчине на севере в нашей литературе пишется недостаточно. Нельзя считать обоснованным представление о крестьянской вотчине как продукте распада общины (см.: Л. В. Данилова. Очерки ..., с. 236—237, 240—241), поскольку крестьянин-вотчинник оставался в то же время крестьянином-общинником, волощанином.

⁸ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, с. 36—155.

Ю. Г. Алексеев и А. Д. Горский.⁹ От XV в. до нас дошло немало известий и об аллодиальном владении северных крестьян. Около 1445 г. боярин Яков Дмитриевич купил у княжеостровских крестьян «у Филиповых детей у Баишина у Осея у Григория треть села Баишина, отцины Филипова, орамые земли, и пожни, и притеребы, и ловища всякие без вывета».¹⁰ По словам одной купчей середины XV в., крестьянин Матвей Урван Леонтьевич купил у своего племянника Василия Мартушова «землю, отцины его участок».¹¹

Приведенные факты — лишь малая толика документальных подтверждений существования крестьянского аллода на Русском Севере.

Но признавая, что черносошные крестьяне являлись носителями аллодиальных прав на землю, мы не можем забывать, что, поскольку речь идет о крестьянской вотчине XIV—XV вв., а отчасти и XVI в., в ней проявлялись черты, отражавшие правовые нормы, характерные для большой семьи. И несмотря на то что господствующее положение большой семьи в это время было решительно утрачено, отпечаток ее порядков в области землевладения еще зрим и осязаем. Он ощутим в праве преимущественной покупки родичами земель, являющихся наследственным достоянием, и в праве родового выкупа отошедших на сторону, в чужие руки, земель.

Право черных крестьян на вотчинные земли сохранялось, даже если вотчинник временно их покидал. Когда «вотчич» возвращался, он вступал в свои права. Вероятно, поэтому князья, щедрой рукой одарившие духовных и светских землевладельцев, старались жаловать те пустоши, у которых не было вотчицей, способных «наступить» на пожалованные земли. Об этом мы судим исходя из текста тарханной и несудимой грамоты вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого, выданной игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию. В ней сказано, что отец Андрея, великий князь Василий Васильевич, дал монастырю «свое пустоши, у которых пустошей вотчиков нет».¹² Любопытный эпизод, отразивший обиденную практику прерогатив «вотчича» на заброшенные земли, сохранила правая грамота (около 1462—1469 гг.), врученная настоятелю Саввина Сторожева монастыря Варлааму. «Тягался Семянко с Ивашкой Такорем, став на межи на суховерховской». Речь держал перед судьями первым Семянко, жалуясь на Ивана, который «поорал селище», землю городскую, его двора выть. Отвечая судьям, Ивашко стал доказывать, что

⁹ Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв., с. 67; А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, с. 137.

¹⁰ ГВНП, № 149.

¹¹ Там же, № 159.

¹² АСВР, т. II, № 192.

спорная земля принадлежит монастырю. Судьи спросили Семянко: «Коль давно, как вы отвели, што Ивашко вашу землю делует городскую, твоего двора выть?». Семянко ответил: «Тому, господине, шестой год». Последовал новый вопрос: «О чем же ты не искал на Ивашке в ту шесть лет, што Ивашко делует вашу землю городскую, твоего двора выть?». И Семянко так рек: «Потому есми, господине, не искал на Ивашки тое земли в ту шесть лет, — не вереме нам было, господине, — татарове у нас были, господине, да ждали есмя, господине, вочича».¹³

Когда волость отдавала запустевшие земли кому-либо в пользование, она оговаривала возврат «вотчичу», «буде таковой» объявит. Осенью 1594 г. крестьяне Утмановской волости дали какому-то Федору Семенову Подгорбунскому пустошь на реке Падапге, заброшенную «лет пятьдесят и больше», успевшую прорасти «лесом большим в бревно». Несмотря на значительный срок, волостной мир все еще не исключал появления «вотчича», которому новый владелец должен уступить ее.¹⁴ Замечательный по выразительности материал запечатлела наказная память устюжского воеводы М. И. Спешнева в Шаскую волость, где излагается содержание челобитной некоего устюжапина Максимки Шадрикова, а в ней говорится, что «в прошлых де годах владел ... в той Шаской волости деревню Курденгою лет дватцать и болши дядя его родной Семен Шадриков, и государевы всякие подати платил, и от болши подати покинул впусе сь насиянным хлебом, и тою деревню владеют Родка Леонтьев Попов, да Гурейко Алексеев, да Самко Чебыкин, да Безсонко Чебыкин же, да Семейка Митюков». Далее оказалось, что Семейка Митюков свою часть, четверть деревни, отдал «за свой вклад, а Родко Попов тое же полчети деревни продал в Троецкой монастырь игумену Ионе з братьею; да Гурейко продал племяннику своему Безсонку Чебыкину пол-чети, и тою деревню владеет силно». Итак, вотчину Семена Шадрикова расташили по кускам, однако он «благословил тою деревнею» своего племянника «Максима з братьею», который и вчипил иск. На распросе ответчики Семенка Пантелеев, Родка Леонтьев, Самилко Логинов показали, что деревня Курденга «Семейки Шадрикова вотчинная; и в прошлые де годы тое деревню Семейка покинул впусе, а мирские люди Шаской волости тое деревню отдали им крестьяпом по жеребьям до вотчинника ... и оне ... те ж свои жеребьи отдали Троецкого монастыря, что на Гледене, игумену Ионе з братиею до вотчинника ж, и дапные им в том дали». Максим Шадриков выиграл дело. «И воевода Михайло Иванович Спешнев да Орефа Башмаков, того их судново дела слушав, приговорили и велели тою деревнею Курден-

¹³ АСВР, т. III, № 56.

¹⁴ М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. II. М., 1912, с. 8.

гою владеть по своим писменным крепостем и по благословенной исцу Максимку Шадрикову з братьею, а ответчиком Семейке Пантелееву с товарищи, и Троецкого монастыря игумену Ионе з братьею, и Семейке Моисееву Мартемьянову отказали и вперед в ту деревню вступатца не велели, потому что та деревня вотчинная исца Максимка, а им ответчиком игумену Ионе дана до вотчинника». ¹⁵

«Вотчичи» возвращали себе земли, не только заброшенные родичами, но и проданные, а также данные и закладные. В этих случаях срабатывало право родового выкупа, ¹⁶ столь привычное людям XV—XVII вв., что оно нашло оформление в законодательстве: впервые — в Судебнике 1550 г., затем в Судебнике 1589 г., который отвел ему несколько статей, продемонстрировав тем его жизненный характер. ¹⁷

Являлось ли участие родичей в наследовании и право родового выкупа в XIV—XVI вв. результатом косной традиции, простым анахронизмом, или эти правовые феномены вызывались потребностями жизни и были связаны с условиями крестьянского производства и семейного быта? Мы думаем, что, отвечая на этот

¹⁵ РИБ, т. XII, с. 208—209.

¹⁶ «А кто выиде отчинник той земли, и он даст три рубли, а отчиной володее» (ГВНП, № 298); «А будет Игнатъевым детем до земли, а куны у них будут свои, ино дають куны святому Николи, а земля им...» (ГВНП, № 226); «А хто буде моего роду, или племяни, или братьи, или зятьи, или дочери, или внуцать, а хто иметь мое старцево Григорьева проданье подвигивати, дадут святому Николе 50 сьроков белки да корову попельнык с приплodom» (ГВНП, № 155); «А понадобица та земля дочерям моим или родникам моим, и они бы дали святому Егорию сорок алтын денег» (РИБ, т. XIV, с. 1); «А взочнет Федот Некрас да Василей, да Иван Патрекеевы дети тое земли искати, ино на них великого князя судьям десять рублей московскую» (РИБ, т. XIV, с. 6); «А выкупят у нас отчичи землю, ино та земля старосты и всем волощанем отдати и даная грамота выдати, а двory монастырские сняти» (РИБ, т. XIV, с. 32); «А выщеце вочич, и волощанем приходу святаго Егория денги взяти три рубли святому Егорью в дом, а земля ему отдать» (РИБ, т. XIV, с. 32); «А выступит вотчиць каков с выкупом да выкупит у нас деревню, куплю батка нашего, и святому Георгию отступитись тое земли безденежно» (РИБ, т. XIV, с. 36).

¹⁷ Памятники русского права. Вып. IV. М., 1956, с. 256—257, 434—435. Почему Судебник 1497 г. игнорировал родовой выкуп и лишь царский Судебник стал толковать о нем? Этот вопрос беспокоил еще дореволюционных историков. В. И. Сергеевич советовал строго различать бытовой (обычный) выкуп, относящийся ко временам «очень почтенной старины», и указной выкуп, бывший нововведением XVI в., право на который закон предоставил некоторым лицам. По обычному же праву никто не обладал правом выкупа. Следовательно, «указной выкуп далеко расходится с обычным. Он предписывает совершенно новые правила, с предшествующей практикой несогласные» (В. И. Сергеевич. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910, с. 533—543). Тут все поставлено с ног на голову, ибо процесс протекал обратным порядком: от неограниченного права выкупа родовых вотчин через постепенное ограничение в рамках законодательства к полной его отмене.

вопрос, следует заменить формулу «или—или» формулой «и—и». Право наследования родичей и право родового выкупа пришли в XIV—XVII вв. из тех далеких времен, когда большая семья еще была господствующей ячейкой семейной и производственной организации.¹⁸ А держались они потому, что породившая их большесемейная организация не отмерла полностью к XIV—XVII вв. и поддерживалась экономическими условиями севера и некоторых других районов обширной территории Русского государства.

А. И. Копанев, который изучил многие сотни купчих грамот чернососных крестьян Подвинья за XVI в., очень редко встречал факты родового выкупа. Значительно чаще он обнаруживал в грамотах заявления о том, что земля продается «впрок», «в веки», «одеречь», «без выкупа». На этом основании он сделал вывод о «ничем не ограниченной мобилизации крестьянских земель».¹⁹

Но, во-первых, самое повторение в грамотах таких формул свидетельствует о том, что право выкупа еще не умерло и что покупатели земли должны были защищать свою «куплю» от посягательства лиц, которые могли бы воспользоваться этим правом. Во-вторых, купчие на крестьянские земли сохранились главным образом в фондах монастырей, а когда срабатывало право родового выкупа, родичи вместе с землей возвращали себе купчие грамоты.²⁰ Поэтому в монастырских архивах сведения о выкупе и не могли быть широко представлены. Наконец, в-третьих, следует обратить внимание на то обстоятельство, что формуляры купчих «впрок», «в веки», «одеречь» и «без выкупа» еще не означали, что выкуп исключается начисто и земля безвозвратно уходит из рук семьи; мы думаем, что при оценке этих выражений следует проявлять осторожность.²¹

¹⁸ Следует, впрочем, сказать, что родовой выкуп не так уж древен. Право родового выкупа сложилось тогда, когда продажа земли стала обыденным явлением, что произошло сравнительно поздно. Оно как бы синтезирует старые порядки, скрепленные родовыми узами, и новые, связанные с превращением земли в товар, выступая, таким образом, в качестве нового этапа в развитии обычного права.

¹⁹ А. И. Копанев. К вопросу о структуре землевладения на Двине в XV—XVI в. — В кн.: Вопросы аграрной истории. Материалы научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 1967, с. 447—451.

²⁰ См.: ГВНП, № 139; АЮ, № 86.

²¹ «Се выкупи, — читаем в грамоте первой четверти XV в., — Оньдрон Левонтьевич у Омоса у Микулина тоню на Летьной стороны, отцину свою, межю Лахтою и Онескими тонями, из дерцу и з дерною грамотою» (ГВНП, № 139). Инок Чухченемского монастыря Григорий продал обители свое село «в векы», что отнюдь не мешало его родственникам то «проданье подвигивати». Нужно было лишь вернуть братии полученную Григорием сумму (ГВНП, № 155). В купчей каргопольца Ивана Межпикова на участок земли близ Турчасовского посада сказано: «Се яз Андрей Нечай Иванов сын Дураков, своим сыном с Никиткою, продали есмя

К осторожности обязывает и то, что в законодательстве право выкупа занимает видное место. Еще в XVII в. правительство занимается вопросами регламентирования этого права, причем источники указывают не на единичные случаи, а на распространенные практики родового выкупа. В 1625 г. из Соли Вычегодской запрашивали Москву, следует ли отказывать по делам о родовом выкупе за давностью продажи и заклада. «Приходят многие люди, а приносят старые закладные и духовные (на деревни и пожни) лет за 40 и за 50, и за 70, и болши, а у иных отцы и дядья и братья закладывали, а бьют нам челом на выкуп. А за сколько лет по тем закладным судить и на выкуп давати», царского указа пет. Из Устюжской чети ответили, что срок давности по таким делам не должен превышать 40 лет. «А будет за сорок лет перешло хотя один месяц ... суда и деревень и пожен и никаких угодей на выкуп не давати».²²

Как видим, в XVII в. дела о родовом выкупе на Русском Севере возбуждали «многие люди» и правительство считало законными претензии родичей, если они не затягивали слишком свои иски. Но право выкупа ограничивалось не только сроком исковой давности. Мы знаем случаи, когда царь запрещал предъявлять иски о выкупе на земли, попавшие к привилегированным землевладельцам.²³ И все же право родового выкупа не могло остановить процесс мобилизации земельной собственности в русской черносошной деревне в XVI в. Труды А. И. Копанева и Н. Е. Носова показывают, что в руках богатой верхушки посада и черной волости в это время сосредоточивались значительные земельные владения, а деревенская беднота лишалась значительной части своих земельных имуществ.²⁴ Видимо, в XVI в. право родового выкупа действовало реже, чем в предшествующие столетия, тем более что большая семья на Русском Севере уже стала явлением сравнительно редким.

Ивану Федорову сыну Межникову ... владенья своего, по сотной по оброчной, поблужи земли, Панкратовскую ... обжу земли Кошуевскую и с двором ... Да ему есмь продали Осначевские деревни ... А продали есмь ему в дернь, без выкупа. А взяли есмь у Ивана на той всей земли, и на дворе, и на всем сгодьби тех деревень сорок рублей денег Московскую ... А добуду яз Нечай сыном своим, сорок рублей денег на Покров святей Богородицы лета 7070-седмаго, и нам Ивану дати под те деревни та сорок рублей денег па Покров же святей Богородицы ... а Ивану отдати ся купчая нам назад и деревня» (АЮ, № 86).

²² С. Б. Веселовский. Акты писцового дела. Т. I. М., 1913, с. 396—399.

²³ Чтобы избавить Троице-Гледенский монастырь от необходимости возвращать вновь приобретенные земли, царь дал в 1633 г. грамоту о нераспространении права выкупа на его земельные купли (РИБ, т. XII, № 82).

²⁴ А. И. Копанев. Куростровская волость во второй половине XVI в. — В кн.: Академик Б. А. Грекову ко дню 70-летия. М., 1962, с. 151—155; Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, с. 249—283.

Поскольку для земельного владения черных крестьян XIV—XVI вв. были характерны ограничения права отчуждения, охранявшие интересы родственников, его можно определить как аллод раннего типа.²⁵ Эти ограничения в XVI в. выступали все реже и отходили на задний план.

Источники донесли до нас известия об ограничениях в праве отчуждения земель, которые в изучаемое нами время устанавливала (или, во всяком случае, иногда устанавливала) черная волость. В 1551 г. Филимон Григорьев сын купил у Ульяны Пиминовой дочери и у ее детей землю. В купчей сказано, что это была «земля волостная Ростовския волости (Холмогорской епархии), куды ходил топор и плуг, и соха, и коса, и серп». У купчей грамоты «сидели» староста и волостные крестьяне, и, очевидно, по их настоянию было введено требование к покупателю «земли не продать и мимо волоцан».²⁶ Таким образом, права черных крестьян — аллодистов — в некоторых случаях ограничивались в интересах волости.

Община-волость, как и члены большой семьи — родичи, не создала непреодолимых препятствий для земельной мобилизации в XVI в. Но нельзя говорить о том, что с этого времени развивается неограниченное право крестьянской земельной собственности. На эволюцию поземельных прав черносошных крестьян, особенно начиная с последней четверти XVI в., решающее влияние оказывало крепостническое государство.

* * *

Но прежде чем перейти к рассмотрению вопроса об эволюции форм собственности в XVII в., надлежит вернуться к тезису об отсутствии в XIV—XVI вв. права земельной собственности у черносошных крестьян и у черной волости и о наличии этого права только у государства.

С. М. Каштанов пишет, что «распоряжение земельными наделами и даже право отчуждения их не служит решающим признаком собственности».²⁷ Это верно, но отчасти, поскольку бывает отчуждение и отчуждение. Если земля уходит в руки такого же, как и продавец, волостного крестьянина, то в этом случае еще можно думать, что существенных перемен в отношениях собственности не произошло. Но если она продается какому-нибудь част-

²⁵ Это вид аллода в последнее время довольно подробно исследовал А. Я. Гуревич. См.: А. Я. Гуревич. 1) Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы. — Вопросы истории, 1968, № 4, с. 92—94; 2) Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970, с. 26—62.

²⁶ РИБ, т. XIV, с. 50—51.

²⁷ С. М. Каштанов, Ю. Р. Клокман. Советская литература 1965—1966 гг. по истории России до XIX в. — История СССР, 1967, № 5, с. 163.

ному крупному землевладельцу и делается частной собственностью его, то это уже явное нарушение владельческих прав, ежели считать князя безраздельным собственником черных земель. Мы не хотим сказать, что государство равнодушно взирало на такого рода сделки, распылявшие волостные земельные богатства. Князья стараются контролировать утечку черных земель. Феодальные землевладельцы покупают их «с доклада» тиунам и волостелям, добиваются княжеского разрешения на покупку.²⁸ Но это отнюдь не означало бесправия волости и волощан.

О соотношении прав волости и государства на черные земли в России XV в. говорят современники, прибегая к трем формулам, которые можно истолковать так, что эти земли были либо волостные, либо великого князя и волости, либо великокняжеские. Частичный анализ их предпринял А. Д. Горский.²⁹ Отталкиваясь от последней формулы, он подчеркивал, что утверждения о принадлежности черной земли великому князю исходят от самих крестьян.³⁰

Однако не менее показательна и первая формула, и именно потому, что мысль о принадлежности земли волости высказывали не только крестьяне, но и сам великий князь. В жалованной грамоте митрополиту Фотию великий князь Василий Дмитриевич называет деревню Яковлевскую волостной, и только.³¹ А вот заявление крестьян: «А та земля, господине, — станова Михайловского стану»;³² «Тот, господине, луг волостной Аргуновские волости»;³³ Вторая формула имеет следующий вид: «То, господине, селище Кровопусковское земля великого князя волостная Мишутинская»;³⁴ «То, господине, деревни Мясово, да Медведево, да Хламово и пустоши Паршина, да Никитино — земля великого князя

²⁸ «Се яз князь великий Василей Дмитриевич ослободил есми отцю свосму Фотию митрополиту киевскому и всяя Руси купити в Талше деревню Яковльскую волостную» (АФЗХ, т. I, № 226); «Се яз князь Андрей Дмитриевич, пожаловал есми монастыря святые Богородицы игумена Кирила старца ... велел ему есми купити деревни данные у Серка, да у Тимошки, да у попа у Павла, Окуловскую деревню, да третью деревеньку у Клима у Жеребцова Харламовскую деревню». (АСВР, т. II, № 45); «Святые дела Троицы, се яз, князь велики Василей Васильевич ... дал есми им в дом в Гороховце пустошь Городицкую и с луги ... да к тому есми им ослободил купить своих земель черных тяглых на десять сох» (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. Т. I. М., 1952, № 200 (далее — АСВР, т. I).

²⁹ А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян, с. 131—133 (Частичный потому, что сведения, называющие владельцем черной земли лишь одну волость, автором опущены).

³⁰ Там же, с. 131.

³¹ АФЗХ, т. I, № 226.

³² АСВР, т. I, № 582.

³³ АФЗХ, т. I, № 140.

³⁴ АСВР, т. I, № 430.

нашие волости Шуктовские»;³⁵ «То, господине, пустоши великого князя нашии волости Южьские».³⁶ Наконец, третья формула гласит: «... те селища Алтыново и Дубровка — земли великого князя»;³⁷ «В том, господине, селце на Поемесье жил христианин Якуш Карач, а сказывал, господине, мне, кое то земля великого князя».³⁸

Мы не думаем, что какую-либо из этих формул можно игнорировать как не существенную или не отражающую поземельные отношения в черной волости XIV—XV вв. Землей владели и распоряжались своей властью и в своем интересе и князь, и волость, и крестьяне-аллодисты. Их правомочия часто переплетались. В приведенных формулах отражался переходный характер земле-владения XIV—XV вв.: от безраздельного права общины и общинников на землю через разделенную собственность к ликвидации крестьянской земельной собственности. В XV в. неограниченная собственность общины отошла в прошлое,³⁹ но черные крестьяне еще не были экспропрированы и делили право собственности с великим князем, олицетворявшим государство. Поэтому собственность на черные земли в России XV в. мы считаем разделенной собственностью волости и волостных крестьян и государства.⁴⁰

³⁵ АСВР, т. II, № 288.

³⁶ Там же, № 333.

³⁷ АФЗХ, т. I, № 125.

³⁸ АСВР, т. I, № 540. Л. В. Черепнин толкует формулу «земли волостные» как земли, тянущие к волости (А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 217). По нашему мнению, нельзя ставить знак равенства между выражениями «земли волостные» и «земли, тянущие к волости, стану, погосту». Первое выражение, имея более емкий смысл, свидетельствует прежде всего о принадлежности земель волости.

³⁹ Еще в XV в. можно встретить чернокупцев, основные повинности которых заключались в «почлегах», т. е. в «корме» наместника и его людей, когда они приезжали (Аграрная история Северо-Запада России, с. 224). Но эта форма эксплуатации, типичная для XI—XII вв., была в XV в. пережитком. «Ночлеги» нельзя, конечно, идентифицировать с рентой, как нельзя и землю этих чернокупцев считать землей князя.

⁴⁰ О разделенной собственности при феодализме см. подробнее: А. Л. Шапиро. О природе феодальной собственности на землю. — Вопросы истории, 1969, № 12, с. 70—71. Л. В. Черепнин считает, что сама мысль о возможности разделенной собственности на землю феодального государства в лице князя, с одной стороны, и черной волостной общины и крестьян-волощан, с другой, уязвима теоретически, поскольку частновладельческие и государственные крестьяне выступали в XIV—XVI вв. только в качестве владельцев земли, а не ее собственников (А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма, с. 214). Этим в сущности стирается различие между типами земельной собственности при феодализме. А ведь аллодиальный и общинный типы земельной собственности долго сохраняются рядом с господствующим феодальным. Мы считаем необоснованным утверждение Л. В. Черепнина о том, что в XII в. крестьянские земли превратились в государственные и крестьяне, следовательно, полностью потеряли право земельной собственности (там же, с. 153).

От XVII в. до нас также дошел большой актовый материал, свидетельствующий о том, что черные крестьяне продавали свои земельные угодья, завещали и делили их, отдавали в приданое, закладывали, дарили, меняли, вкладывали в монастыри. Как и в XV—XVI вв., крестьяне именовали свои участки вотчинами, а себя — вотчиками. Как и раньше, крестьянин сохранял право на свой участок и тогда, когда временно оставлял его пустовать. В этом случае волостной сход отдавал пустующие площади тем, кто хотел ими воспользоваться, но только до возвращения вотчика.⁴¹

Но широкие масштабы запустения наносили урон государственным интересам, и правительство широко использовало свои владельческие права прежде всего в отношении запустевших земель. «К XVII в., — писал М. М. Богословский, — установился определенный порядок пожалования незаятых земель в тяглое владение или в оброчное пользование. Крестьяне обращались в Москву в соответствующий приказ с челобитьем, в котором называли участок, который хотели использовать, сообщали, что это „место пустое“, „черный лес“, и добавляли обычно: „без твоего, государева, указу разчищать и распахивать не смеем“. После расследования челобитчик получал участок».⁴² В 1620—1630-е годы писцы призывали жильцов на запустевшие участки и предоставляли им льготы, а если не находилось людей, согласившихся сесть на тяглый участок, отдавали его на оброк. То же самое делали воеводы и подьячие. А в случае возникновения поземельных конфликтов вопрос решался в центральных правительственных инстанциях в Москве.

К началу 1630-х годов относится интересное дело, характеризующее соотношение прав на землю черного крестьянина и государственной власти. Крестьянин Ряговской волости Каргопольского уезда Миша Халевин бил челом государю по поводу деревни Нестеровской, которая «исстари была за отцом его Мишиным за Демкою». Деревня эта по писцовым книгам числилась пустою и была дана крестьянину Харке, который пахал «ис тягла пол чети выти пашни» и из оброку «выть без пол-пол-пол чети выти».

Миша Халевин не считал свои наследственные права на землю достаточным основанием, чтобы требовать ее возвращения, и подкреплял претензии еще и тем, что Харка пашет в той деревне наездом. Наследственный владелец не только обязался полностью платить повинность с тяглого падела, обрабатываемого Харкой, он предлагал также взять оброчные земли «из наддачи», т. е. за

⁴¹ М. М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере. Т. I. М., 1909, с. 53—54.

⁴² Там же, с. 57.

более высокую сумму, чем платил Харка. Правительство считалось с наследственными правами черных крестьян. Поэтому было велено «сыскать старожилыцы околными людьми», жили ли в той деревне отец и брат Халевиша. Однако установления этого факта было мало для возврата земли Халевишу. Предписывалось отдать ему землю отца лишь при условии, что за ним «нигде двора земли нет», а пользующийся сейчас участком крестьянин пашет наездом и владеет двором и землею, «опричь тое» спорной деревни.⁴³ Из дела видно, что наследственные права черного крестьянина уже отступили перед все возрастающей поземельной властью государства.

В 1633 г. двинский черный крестьянин Семен Клементьев бил челом на посадского человека Павлова, который «по ложному челобитью» получил на оброк из падачи покупные земли Семена. Так как у жалобщика были купчие и закладные земляные крепости и его владельческие права были закреплены государевыми оброчной и указной грамотами 1622 г., он выиграл дело. Однако он мог вступить в свои права только при условии, что будет платить в казну, кроме старого оброка, падачу, поступающую от незаконно пользовавшегося землею Павлова.⁴⁴

Если крестьяне не в силах были тянуть тягло со своих земель, они просили дать им оброчную грамоту, что существенно облегчало им бремя повинностей. Но оброчные земли могли попасть в чужие руки «из падачи». Вот почему каргопольский крестьянин Иван Томилов, взявший на оброк свои же наследственные земли, купленные еще его дедом, просил, чтобы ему разрешено было пользоваться ими «без перекупки». Соответствующее разрешение было дано.⁴⁵

Как справедливо отметила З. А. Огризко, при столкновении в XVII в. записей в писцовых книгах с купчими правительственные агенты все чаще отдавали предпочтение первым.⁴⁶

К первым десятилетиям XVII в. относятся правительственные указы, ограничивающие свободную мобилизацию черных земель. Около 1624 г. царским указом велено было устюжанам «посацким людем и волостным крестьянам заказ учинити крепкой, чтоб они впред в монастыри деревень своих и всяких угодей без нашего указу не продавали, и у вотчинных бы своих деревень, сенных покосов и пожень и иных никаких угодей в монастыри и к церквам, и иным никаким людем не продавали и не закладывали».

⁴³ ЦГАДА, ф. 137 (Новгород), № 23, л., 93 об.—96.

⁴⁴ Там же, л. 131—136.

⁴⁵ Там же, л. 13—15.

⁴⁶ З. А. Огризко. Влияние феодально-крепостнической системы на развитие хозяйства черносошных крестьян в XVII в. — В кн.: Вопросы аграрной истории. Материалы научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера СССР. Вологда, 1968, с. 438—440.

Было также запрещено посадским «прожиточным» людям и волостным крестьянам покупать и брать в заклад земли «у своей братьи у крестьян».⁴⁷ Аналогичный запрет был наложен и на сделки продажи и заклада черных земель в Сольвычегодском уезде.⁴⁸

Этот запрет вызвал протест со стороны заправлявших посадскими и волостными делами богатеев. Из Устюга на имя государя пошло челобитье от земских судей, старост, целовальников, «посадских людей и волостных крестьян», которые писали, «что де у них изстари ведется, что на посаде и в волостях деревни и угодья друг другу продавали и покупали и закладывали». 12 мая 1624 г. грамота из Устюжской чети предписывала вновь разрешить посадским людям и волостным крестьянам «меж себя деревни свои продавати и покупати и в заклад давати тутошним тяглым людем». В то же время подтверждался запрет продавать землю монастырям и нетяглым людям и отчуждать угодья от одной деревни к другой.⁴⁹ Такая же грамота была в 1624 г. послана в Соль Вычегодскую.

Запрещение продажи и заклада черных земель церквям, монастырям, подьячим, торговым людям гостинной сотни и другим нетяглым людям было к середине XVII в. распространено на всем Поморье. А в Каргопольском уезде и в Заонежских погостах были даже запрещены земельные сделки между черносошными крестьянами.⁵⁰

239 статья X главы Уложения 1649 г. ограничивала право крестьян на свободные расчистки в лесах. Как указывает З. А. Огряко, статья 235 X главы Уложения сближала черные земли с дворцовыми, а статья 28 XVII главы, предусматривавшая сдачу черносошным крестьянам государственных земель на оброк, исключала их из числа возможных покупателей.⁵¹

Поскольку речь идет об актах продажи и вклада в монастырь крестьянских имуществ, можно отметить, что в XVII в. сравнительно часто фигурирует не окультуренная пашня, а свежие росчисти и «присадная» земля. Еще чаще в грамотах называется не пашня, а пожни, рыбные и другие промысловые угодья. Может быть, отягченная возрастными повинностями «живущая» и учтенная писцовыми книгами пашня в XVII в. была объектом поземельных сделок реже, чем в предшествующие столетия.

Анализ переписей XVII в. покажет, происходила ли в это время дальнейшая концентрация земельных имуществ в руках

⁴⁷ С. Б. Веселовский. Акты писцового дела, т. I, с. 278.

⁴⁸ М. М. Богословский. Земское самоуправление, т. I, с. 59.

⁴⁹ С. Б. Веселовский. Акты писцового дела, т. I, с. 279.

⁵⁰ М. М. Богословский. Земское самоуправление, т. I, с. 59.

⁵¹ З. А. Огряко. Влияние феодально-крепостнической системы, с. 439—440.

богатых крестьян и посадских на Русском Севере, или, наоборот, землевладение стало более уравнительным. Пока этот вопрос остается открытым.

* * *

В результате падения Новгородской независимости и присоединения к Москве других русских территорий при Иване III возникли две новые формы землевладения: государевы поместные земли и государевы оброчные земли. В разряд последних перешло значительное количество владычных, боярских и отчасти монастырских волосток. На территории Новгородских пятин хозяйственная инициатива оброчных крестьян была менее скована, а размеры повинностей — несколько ниже, чем крестьян помещичьих. Но по сравнению с повинностями, которые до 1470-х годов отбывали крестьяне на землях, еще не ставших полной собственностью светских и церковных феодалов (чернокунские и кормленские волости), повинности оброчных крестьян, установленные Иваном III, были более высокими.⁵²

На Севере повинности государевых оброчных крестьян, как это установил А. И. Копанев,⁵³ тоже были значительно выше повинностей чернокунцев. Но к середине XVI в. сборы с чернокунцев были подтянуты до уровня повинностей оброчных крестьян, что привело к более активному вмешательству правительственных агентов в жизнь черной деревни. У правительства чаще возникали потребности для вмешательства в дело распоряжения чернокунскими землями (особенно в случае их запустения или неисправной уплаты повинностей).⁵⁴

⁵² Аграрная история Северо-Запада России, с. 84, 224, 231. В Новгородских пятинах государевы оброчные земли являлись фондом, за счет которого производилось в XVI в. поместное верстание.

⁵³ См. с. 106.

⁵⁴ Вместе с тем оброчные крестьяне приблизились к чернокунцам, поскольку исчезли отмеченные А. И. Андреевым различия в их правовом положении.

Оброчные крестьяне именovali свои участки земель великого князя, а своего владения или посилья; уступая свой участок, они заключали не купчую, а отступную грамоту, а деньги при этом брали не за землю, а за посилье, т. е. за труд, вложенный в дело окультуривания земли (А. И. Андреев. Отступные грамоты. К истории крестьянского землевладения на севере в XVI в. Пг., 1916, с. 25). А. И. Андреев связывал формулу «земля великого князя, а моего владения» лишь с оброчной землей, сделки над которой фиксируют отступные грамоты. Признание верховной собственности великого князя, выраженное в такого рода формулах различных актов, присуще, однако, и черным землям как черной волости центральных районов (что видно из правых грамот и других актов XV—начала XVI в.), так и Северу. Н. Н. Покровский показал, что разные клаузулы отступных, посильных и купчих грамот перекрепчиваются, часто совпадают; иногда сделки над оброчной землей оформляются купчими, а над черной — отступными (Н. Н. Покровский).

Особенностью землевладения на Русском Севере была разбросанность угодий. На лесистых и болотистых просторах трудно было отыскать участки, удобные для земледелия. Лучшие из них отличались наиболее благоприятными для хлебопашества почвами, были расположены на южных склонах и не так подвержены ранним заморозкам и т. д. Очень рознились и севокосные угодья. К тому же участки находились на разном расстоянии от деревни.

В силу этих причин при семейных разделах приходилось выделять каждому участнику дележа доли-лоскуты в каждом из сортов угодий. Раздел был делом очень сложным, произвести его без ошибки было далеко не всегда возможно. Видимо, поэтому при разделе устанавливались доли каждого участника дележа — то, что А. Я. Ефименко именуется идеальными долями. «Дележ, — пишет эта замечательная исследовательница, — не разбивал целого бесповоротно. Каждый соучастник дележа мог найти, что реальный участок, доставшийся ему, не соответствует его праву, его идеальной доле, и мог требовать передела, уравнивания».⁵⁵

К тому же при разделе общего семейного имущества некоторые земли, рыбные ловли, гумна, овины, да и движимое имущество не делились и оставались в общей собственности.⁵⁶ В праве на строго определенную долю в этой неразделенной части имущества, как и в праве на передел уже разделенной земли в соответствии с той же идеальной долей, и заключается суть долевого землевладения. Только так следует понимать слова А. Я. Ефименко о том, что большая семья, дробясь и делясь, продолжала «смотреть на себя, со стороны поземельных отношений, как на нечто целое, до дележа — простое, после дележа — сложное». Быть может, А. Я. Ефименко не очень точно выразилась, когда писала, что «каждый участник дележа получал не определенный кусок земли, который бы он мог выделить из целого, а лишь право на известную долю в каждом из лоскутов, полей и угодий, входящих

Купчие, данные и меповые грамоты как источник к истории черносопного землевладения России XIV—первой четверти XVI в. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 88—90). Разделяя тезис Н. Н. Покровского, что распространение идеи верховной собственности великого князя может быть прослежено во всех видах купчих грамот, мы считаем, что, несмотря на все изменения, отклонения и перекрещивания, отступные грамоты своим происхождением связаны с оброчной землей. Большинство отступных, по крайней мере до середины XVI в., связано с государевыми оброчными землями; зачастую это устанавливается совершенно точно. (Так, например, земля на Солотковом острове отступной И. Мурашева Пимену Истеме Пятунину 1540 г. названа в великокняжеской грамоте 1542 г. «великого князя деревни оброчные» — Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I. Пб., 1922, № 87, 96). Слияние различных видов грамот отражает сближение и последующее слияние государевых оброчных и чернокунских земель. С середины XVI в. оброчные крестьяне начинают составлять купчие и распоряжаться землей как чернокупцы. Это хорошо показывает А. И. Копанев (см. с. 103—137).

⁵⁵ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I, с. 220.

⁵⁶ Там же, с. 221.

в деревню». ⁵⁷ Из этого и некоторых других мест «Исследований народной жизни» можно сделать вывод о том, что при разделе земли не размежевывались и участники дележа не получали строго отграниченных лоскутов и кусков земли. На самом деле такое размежевание производилось.

Возьмем дельную 1640 г., которая приведена А. Я. Ефименко. В ней сообщается, что шестеро братьев поделили «промежь собою и полюбовно хлебом и солью и слободою и долгом и деньгами и платьем и кузнию серебряным и медным и деревянным судовым и всяким житейским запасом и скотом всем без вывета, и деревнею тяглыми и оброчными землями и дворами и всеми хоромы и подворными землями и всем без остатка ... В дворовом поле Шумилу досталась полоса с верхняго края, от Шумила досталась Третьяку полоса, от Третьяка досталась Завьялу полоса, от Завьяла досталась Шестому полоса, от Шестого досталась Луки полоса. В поженном поле да и в закраинки что за тем полем Шумилу досталась полоса с верхняго края, от Шумила досталась Третьяку полоса, от Третьяка досталась Максиму полоса, от Максима досталась Завьялу полоса, от Завьяла досталась Шестому полоса, от Шестого досталась Луки полоса ... В малом поженном полце Шумилу досталась полоса с верхняго края, от Шумила досталась Третьяку полоса ... В прилуком поле да и с закраинкою от дороги и в лесу Шумилу досталась полоса с верхняго края...» ⁵⁸ А. Я. Ефименко отсюда заключает: «Итак, при раздроблении печища, каждый участник дележа имел право на участие в каждом поле каждой смены». ⁵⁹ Это несомненно так. Но бесспорно и то, что право на участие в каждом из сортов угодий здесь есть право получения при разделе отдельных полос, отрезанных от каждого вида угодий.

Вот раздельная Василия и брата его Маковея на отчину отца их Прокофия: «Се розделишася Василь з братом своим с Маковеем живот и отчину отца своего Прокофия по половинам. И досташась Василию 3 села земли: Июдино седенье, да Созоново седенье, да Михалкино седенье. А Маковею досташась против того 3 села земли: Василево седенье, да Елизарово седенье, да Онаньино седенье. И положися по премежи себя межю роскладную: из роскладной межи, из олшяга, да у вересовину, изь вересовине да в сухий дуб на ручьи, из дуба да в ель, из ели посеред Василева репища, да в дуб огорелей, из дуба дрянв в мостища, из мостища дрянв на валища да во Твеку реку». ⁶⁰ Если бы Василий или Маковей вздумали продать поделенную вотчину, то они предложили бы покупателю размежеванную землю. Но вместе с размежеванной землей при долевом землевладении уступалась и

⁵⁷ Там же с. 367.

⁵⁸ Там же, с. 219—220.

⁵⁹ Там же, с. 220.

⁶⁰ ГВНЦ, № 324.

идеальная доля, т. е. право на передел, если бы обнаружилось, что реальный участок не совпадает с установленной при разделе долей.

В меновой 1522 г. братья Никифор и Игнат обмениваются угодьями, среди которых называются и горная земля, и луговая, и пожни, «и припольки и с закраинами и со всеми угодья, где што ни есть, без вывета, што ся достало ... от братьи своей з делу».⁶¹ Тут же указывается: «А межп тем землям по их по делным грамотам по старым межам, и с рыбными ловищи и с перевесищами».⁶² Василий Тимофеев сын Хлопин продал церковному старосте и всем крестьянам Ростовской волости «землю свою в Зеновской деревне в обже с четвертью четверть земли, горнюю и луговую и орамую, и пожни, и путики, и перевесы, и с рыбными ловищи, со всем без вывета, куда ходил мой Васильев плуг и соха, и коса, сери и топор».⁶³ Ясно, что это — реальные угодья, которые, кстати, Василий Хлопин получил «з делу ... от братьи своей и от племянников и от племянниц».⁶⁴ Согласно отдельной записи Саввы Фомина Юши, составленной в ноябре 1527 г., «земли досталось Науму да Якову от двора вверх по Юре, а Науму от самого двора, а Якову от Наумова двора вверх по Юре ж; а пожень Науму досталось под дворы с Яковом по половинам да пожни против Ивакина, да другая туто же, да пожня против Ивового наволока, да Ивовой наволок; а Якову досталось под двором полпожни, с Наумом пополам, да Березничной наволок, да в Рожнях половина пожни. А Максиму досталось горной земли от долгово плеса; а пожень в Томкине наволоке половина да пожня под Осиповым борком, да в Рожнях половина, верхней конец, да на Ивовой пожни ложек с нижнего конца от Наумова до Валивой наволок. А Михаилу досталось с горной земли от двора нижней конец до Максимовы земли до половины Фомкина наволока, да вверх от Зарадной ямы, да Острой наволок, да Ивокин наволок, да на Ивовом наволоке закраина с пижнего конца».⁶⁵

Весьма примечательна купчая от 5 января 1532 г. на шестой жеребей деревни на Каде-реке у моря, приобретенный Иваном Онцыфоровым у собственного отца — старца Арсения. О том, что это был точно обмежеванный жеребей, свидетельствует отвод земель, произведенный при продаже.⁶⁶

С долевым землевладением мы встречаемся на общих землях, частично сохранившихся, когда семья распадалась. Наряду с разделенными землями оставался земельный фонд, находившийся в коллективной собственности. На долю в этом фонде имели равное

⁶¹ РИБ, т. XII, с. 2.

⁶² Там же, с. 3.

⁶³ Там же, с. 40—41.

⁶⁴ Там же, с. 41.

⁶⁵ РИБ, т. XIV, с. 17.

⁶⁶ Там же, с. 30—31.

право разделившиеся родственники. То, что А. Я. Ефименко имела идеальной долей, заключалось, таким образом, не только в праве передела разделенной между членами семьи земли, но и в праве на долю в общих землях, оставленных нетронутыми при разделе. Эти доли неразделенного имущества могли отчуждаться.⁶⁷

Как и право родового выкупа, право на передел разделенного имущества кажется пережитком старых представлений о прочных правах большой семьи. Однако выше уже говорилось, что мысль о господстве большой семьи в Новгородской земле до ее присоединения к Москве решительно опровергается источниками. Поэтому право на перераспределение однажды разделенной между братьями или другими родственниками земли не имело всеохватывающего характера. Недаром А. Я. Ефименко доказывала действительность этого права актами XVII в., в которых соучастники делажа обзывались «лишними землями друг друга не уравнивать».⁶⁸

Долевое землевладение с правом на передел выделенных участков и с сохранением неразделенной части имущества также не было всеобщей формой земельной собственности в XVI—XVII вв., как не было таковой в Новгородской республике и земельное владение большой семьи.

Долго сохранявшееся, благодаря неравноценности разбросанных участков на Русском Севере, долевое землевладение, как и родовой выкуп, не могло сдерживать земельную мобилизацию в среде черносошного крестьянства.⁶⁹

* * *

Своеобразной заменой большесемейных организаций как производственных единиц являлось складничество. Союз складников возник не по прихоти, а вследствие хозяйственных нужд, о чем свидетельствует большое число известий, рассказывающих о совместной работе складников по подъему новин, подготовить

⁶⁷ Об отчуждении долей неподеленной земли источники говорят ясно и определенно: «Се яз Левонтей Васильев сын Овцын купил еси у Василя у Левонтьева сына у Паюсова треть земли Истоцкые в Яхренге Степановск да и Головинские, да и озера, да Истока; а та треть Истоцкые земли вся с Павлом с Карповым сыном не в розделе» (РИБ, т. XIV, с. 1—2. Купчая датирована 25 марта 1511 г.).

⁶⁸ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, в. 1, с. 221.

⁶⁹ Одним из основных источников по истории долевого землевладения на Русском Севере несомненно являются веревные книги, на которые обратила внимание А. Я. Ефименко. Но, как это было показано другим исследователем веревных книг — П. И. Ивановым, книги эти далеко не однородны. В некоторых из них описывается подворное, и в частности возникшее в результате раздела, земельное имущество семьи. А в других, наоборот, описываются земельные владения соединившихся семей — складников (П. И. Иванов. Пермская веревная книга 1781 г. М., 1913, с. 12—13, 63—64 и др.).

которые для земледелия было сподручнее более или менее значительному количеству работников.⁷⁰ Но складнические объединения способствовали также борьбе крестьян против притязаний крупных привилегированных владельцев.⁷¹

Обработанная усилиями складников новина представляла собой «вопчую землю»,⁷² которая могла быть поделена между совладельцами. Крестьянин Шевденицкой волости Кузьма Кротов рассказывает, что жег он со складником своим Несговором Поповым новину «и, выжегши, ту новину и розделили повытно...».⁷³ В явке некоего Коробицы и других на складника Замятню говорится: «А мы, господа, того Замятню Ярасимова, складника своего, по сию пору по вся дни зовем земель вопчих по той Слудной деревне делити и иных складников заплных и полевых и всяких пашен...».⁷⁴ В купчей Митрофана Петрова упоминается Омельяп Андреев, деливший со складником Гуляем «подворную землю и полевую орамую и не орамую, пашенную и не пашенную...».⁷⁵ В явке Ивана Никитина, датированной 1643 г., дележ земли предносится как вполне естественная и привычная вещь: «...во 149 году сек я сирота с ними (складниками, — авт.) новину вместе повытно ... и с тое новины меня сироту сильно сослали и землю со мной не делили ж, и хлеб-жито с тое земли сняли; и в нынешнем в 151 году тое земли со мною не делят же: владеют сильно».⁷⁶ Надо заметить, что насилия были весьма распространены во взаимоотношениях складников.⁷⁷ Игра эгоистических инстинктов, неправды, чинимые над слабым, подрывали складнические союзы, толкая складников к разделу. В первую очередь

⁷⁰ «Деелось, господа, в прошлом во 113 году, жгли, господа, мы новину», — доносит один складник (РИБ, т. XIV, с. 557); «Сек я, Бориско, с складники своим Лукинские деревни новину за рекою за Кокпешкою...» (РИБ, т. XIV, с. 654); «Во 149 году сек я сирота с ними (складниками, — авт.) новину вместе повытно...» (РИБ, т. XIV, с. 736); «В нынешнем, государь, во 155 году, мая в 26 день, сек яз Михейко новину с складники своим...» (РИБ, т. XIV, с. 742); «...да в новину в сеченую, кою новину сек Иван с племянником и складником...» (РИБ т. XIV, с. 876). Судя по источникам XVII в., складничество долго держится в угодьях и промыслах, требующих больших сил для освоения и эксплуатации: островные земли, рощицы, соляные промыслы, рыбные ловли и др.

⁷¹ Например, складная запись 1608 г. Пантелея Кошкодавова «с товарищи» о владении землею у дер. Льяншикова и «стоянии» «вопче» против Троице-Гледенского монастыря за эту землю (Акты Устюжской епархии, № 8. РИБ, т. XIV, с. 832—834).

⁷² РИБ, т. XIV, с. 570, 661, 672, 832—833.

⁷³ Там же, с. 557.

⁷⁴ Там же, с. 661.

⁷⁵ Там же, с. 1188.

⁷⁶ Там же, с. 736.

⁷⁷ О раздорах и ссорах между складниками памятники свидетельствуют нередко. См.: РИБ, т. XIV, с. 571, 572—573, 579, 580, 590, 591, 602, 612, 691—694, 695, 712, 714, 756, 768—769, 788, 919.

делились, вероятно, пашни, и каждый из совладельцев получал свою часть земли. О таких землях источники говорят: «А пашенная земля тое четверти деревни с складники за межами».⁷⁸ В отличие от пашенных угодий сенные покосы часто в межи не клались и эксплуатировались «по переменам», «по годам»⁷⁹ или оставались общими; в таком случае складники делили совместно скошенное сено по копнам.⁸⁰ Кроме общих пожен, оставлялись и «вопчие» пашни.⁸¹ Возможно, что неразделенная, «вопчая», пашня поступала в пользование складников попеременно. Во всяком случае известен пример, когда складник Михайло Ногаев пашню пахал чужую перемену.⁸² В документах также упоминаются общий телятник и поскотина, гумно, овин, огород и поле.⁸³ Но встречается и коллективное хозяйствование, простирающееся до полного единения в рамках одной семьи, чтобы «пить и есть вместе и платье и обувь держать ... из вопчего живота ... своя деревня ... пахать, сеять и орать вместе же за-едино и в промыслы ходить и посылать из вопчего живота».⁸⁴ Таким образом, складничество не было чем-то невозмутимо монотонным, оно не возникало по раз установленному шаблону, а варьировалось в зависимости от обстоятельств.

Мы не усматриваем в складничестве того, что склонна была видеть А. Я. Ефименко, не считаем складничество обломком перво-бытнообщинных отношений. Но оно несомненно являлось формой землевладения и землепользования, типичной для докапиталистических отношений. Складывались не капиталы, а трудовые усилия. В случаях, когда усилий семьи было недостаточно, а средств для найма рабочей силы не было, такая форма земледелия и промыслах наряду с хозяйственной деятельностью больших неразделенных семей была вполне естественна.

* * *

Конспектируя книгу М. М. Ковалевского «Общинное землевладение», К. Маркс подчеркнул, что в Индии встречалась «общинная пахота в одних местностях и лишь общинные угодья (как лес, пастбища и т. д.) в других».⁸⁵ Общинная эксплуатация земли — явление сравнительно редкое и в Индии, где дольше сохранились

⁷⁸ РИБ, т. XII, с. 432.

⁷⁹ «а косим мы сенные покосы по переменам...» (РИБ, т. XII, с. 218); «Те две пожни косим с складники, переменяючись погодно...» (РИБ, т. XII, с. 431); «... и впредь потому ж с складники косить переменно те ж пожни по годам» (РИБ, т. XII, с. 450); «... а ти нам пожни косити по годам» (РИБ, т. XIV, с. 3).

⁸⁰ РИБ, т. XIV, с. 763—764.

⁸¹ Там же, с. 570, 672.

⁸² РИБ, т. XII, с. 218.

⁸³ РИБ, т. XIV, с. 801—803, 839—840, 923.

⁸⁴ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I, с. 222.

⁸⁵ Советское востоковедение, 1958, № 3, с. 4, 10.

древнейшие формы землевладения. Но и в Индии, как и в средневековой Германии, Англии и Франции, где «пахотная, а часто и сенокосная земля находятся в частной собственности различных членов общины», так называемые угодья «остаются их общей собственностью». Характерно, что М. М. Ковалевский употребил слово «достояние», а К. Маркс предпочел слово «собственность».

На Руси в XIV—XVI вв. общинное владение угодьями тоже сохранялось, хотя в то же время покотины, лес, топи и охотничьи угодья становились объектом купли-продажи аллодистов.⁸⁶ Новгородско-псковские источники XIV—XV вв. донесли до нас отдельные известия об общинном владении сенокосными, лесными, рыбными угодьями, «мхами», «прикремами» и другими землями. В XV в. «все шунжане» дали землю церкви Николая, все рожитчане владели мхами, на которые покушался монастырь. От XIV или XV в. до нас дошла псковская купчая, фиксирующая куплю земли «у всего погоста у сельских смердов».⁸⁷

В Северо-Восточной Руси и на Севере поземельные права были присущи черной волости. Ее природа и поземельный строй — дискуссионные темы в новейшей историографии. Спорным, во-первых, является вопрос о том, тождественна ли волость общине. Ю. Г. Алексеев, Г. Е. Кочин, И. И. Смирнов утвердительно отвечают на данный вопрос,⁸⁸ а С. М. Каштанов — отрицательно.⁸⁹ Большие разногласия вызывает и интерпретация отношений волостных крестьян к земле. В трудах А. Д. Горского и Л. В. Черепнина черные земли квалифицируются как разно-

⁸⁶ Покотина и другие угодья часто лежали поблизости однодворной деревни и находились в исключительном пользовании двора. В таких случаях в купчей определялись границы пахотных (и иногда сенокосных) угодий и добавлялось: «со всем, что к той деревне потягло».

⁸⁷ ГВНП, № 309, 348; Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты. М., 1966, с. 59—60.

⁸⁸ Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв., с. 22—23; Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. М.—Л., 1965, с. 373; И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси. История СССР, 1962, № 2, с. 148—152.

⁸⁹ С. М. Каштанов, Ю. Р. Клокман. Советская литература 1965—1966 гг. по истории России до XIX в., 161—162. Вряд ли можно признать обоснованными сомнения С. М. Каштанова относительно того, что термин «мир» — община, встречающийся в источниках XVI—XVII в., существовал и в XIV—XV в. Ведь «мир» употребляется уже в «Русской правде». Почему же термин XI и XVI вв. должен исчезнуть в XIV—XV в.? С. М. Каштанов считает, что трудно допустить существование мирских изб в деревнях, состоявших всего из одного двора. Но ведь однодворные деревни объединялись в «десятки» и «станы», что явно прослеживается по Новгородским писцовым книгам XV в.

Характерно, что в период Новгородской независимости в чернокунских волостях можно проследить остатки старой дофеодальной системы обложения свободных общин, существенно отличавшейся от обложения в феодальных вотчинах. — См. Аграрная история Северо-Запада России, с. 55—57.

видность феодального землевладения, где собственником выступает государство в лице великого князя. Крестьянам же принадлежит право владения ими.⁹⁰ Ю. Г. Алексеев, Г. Е. Кочин, И. И. Смирнов рассматривают черных крестьян в качестве свободных собственников, объединенных в общины-волости. Но, признавая за крестьянами право собственности на черные земли, они по-разному толкуют внутриволостные поземельные отношения. Г. Е. Кочин под волостными землями и угодьями понимает собственность общинную, коллективную, а не частную собственность отдельных крестьян.⁹¹ По словам же Ю. Г. Алексеева, «на территории волости в маленьких деревнях по одному и по двое живут мелкие, непривилегированные «волостные люди великого князя» — аллодисты, относящиеся к волости как часть к целому. Аллод волостного человека — результат распада древней общинной собственности на землю и в то же время — последний остаток этой собственности. Являясь собственностью владельца, который может им распоряжаться по усмотрению, аллод вместе с тем не перестает быть частью волостной общинной территории, с которой он тесно связан как своим происхождением, так и в хозяйственном отношении (совместное пользование угодьями)».⁹²

Волость XIV—XVI вв. выступает как активная сила в поземельных отношениях. Она выкупала отошедшие к другим землевладельцам земли,⁹³ сдавала волостные земли в аренду.⁹⁴

⁹⁰ А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян, с. 158—161; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 182—183.

⁹¹ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси..., с. 386.

⁹² Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв., с. 23.

⁹³ «Се яз, князь Михаило Андреевичь, пожаловал есми отца своего игумена Касьяна Кирилова монастыря з братьею. Что у них заложил пожню Бренько, да другую пожню им заложил Семен Попов за Марьевою речкою, а Бренько заложил остров пожню ниже Городка на Березничном озерке, и яз пожаловал старосту городецкого и всех хрестьян, велел есми им те пожни у игумена Касьяна Кирилова монастыря з братьею выкупити, что будет в каболах писано в Бреньковой, да в Семеновой, и они им те денги дадут, а пожни возмут к волости, да владеють теми пожнями хрестьяне, а игумен Касьян з братьею боле того в те пожни не вступается» (АСВР, т. II, № 112); «Се яз, князь Михаило Андреевичь, пожаловал есми отца своего игумена Касьяна Кирилова мапастыря з братьею. Что дала Дрокипа жена по своем мужи в Кирилов мапастырь на сорокоуст пожню на реце на Шохсне у Понжи, и яз пожаловал заболотцьких хрестьян, ослободил есми ту пожню выкупити, и заболотцькие хрестьяне дадут в Кирилов мапастырь игумену Касьяну з братьею полтину наугородскую за сорокоуст, а пожню возмут к волости, да владеють тою пожнею хрестьяне. Да что дала Опаньи старца Настасья Юрьева да жене его, а своей впуке Марьи пожню на реце на Шохсне на Взвозе у Понжи за рубль наугородской, и заболотцькие хрестьяне ту пожню выкупят, дадут рубль наугородской, а пожню возмут себе» (АСВР, т. II, № 141).

⁹⁴ АСВР, т. I, №№ 340, 538, 539; АСВР, т. II, № 404, 484; АФХ, т. I, № 103.

Волость обладала очень существенным правом наделять пришлых крестьян землей.⁹⁵ Обращаем внимание на одно известие источника, свидетельствующее о практике выдачи общинными властями грамот крестьянам на пользование угодьями: «И Родюка да Нестерик тако рекли: Дали нам, господине, ту землю становичи Михайловского стану и грамоту нам, господине, на ту землю дали».⁹⁶ Г. Е. Кочин привел интересный факт, когда «мир» отнял у крестьянина расчищенный им без мирского разрешения участок.⁹⁷

Право выдачи грамот пришлым людям, поселяющимся на волостной территории, принадлежало и великому князю.⁹⁸ Однако бывало и так, что не он прямо жаловал грамотой новых поселенцев, а волость по его почину: «По грамоте великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, доложа Данилова тиуна Кобыяка сямского волостеля, се яз, сошкой сямской Сидор, поговоря еси с людьми добрыми с сямлены, з болшими и с меншими — з Домапом с Копытовым сыном, да с-Ываном с Воробьевым, да с Юркою с Трофимовым, да с Миткою с Колыкиным, да с Липком, дали есмя Фоминым детем Афонке да Ивашку пустошь Гридкину под двор на двенадцать лет; а учнут жити, в ту двенадцать лет не надобе им великого князя дань, ни волостелевы кормы, ни города не ставят, ни ям, ни вытлые розрубь в столец не тянути ни во что».⁹⁹

Право волости на отвод земли сочеталось и переплеталось с захватным правом. Расчищенные большой или малой крестьянской семьей земли становились в чернососшной деревне их наследственным владением. В черных волостях древней и средневековой Руси, как и в Сибири и на окраинах Европейской России в XVII—начале XX в., действовало захватное право (*jus primi occupantis*).

В купчих, меновных, вкладных грамотах и других актах XIV—XV вв. постоянно встречаются формулы: «куды топор, и коса, и соха ходила», «куды соха, и серп, и коса, и топор ходил», «куды ис тое деревни соха ходила, и куде топор ходил», «куда секира ходила или куда коса ходила». Вряд ли можно усомниться в том, что эти и подобные формулы могли возникнуть лишь при наличии широких массивов еще не занятых под пашню и другие сельскохозяйственные угодья земель и при условии

⁹⁵ АСВР, т. I, № 397, 523, 340; АСВР, т. II, № 285, 336, 338.

⁹⁶ АСВР, т. I, № 582.

⁹⁷ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси. ., с. 386.

⁹⁸ «А мне, господине, дал князь великий ту землю осенесь о Покрове святыя богородицы. А се, господине, великого князя грамота перед тобою» (АСВР, т. II, № 400).

⁹⁹ АСВР, т. II, № 293.

пользования этими землями на полном или ограниченном захватном праве.¹⁰⁰

Когда земли займщиков входили в соприкосновение (коса с косой или топор с топором сходились), производился отвод (розвод) и определялась межа. Но формула «куда топор, соха и коса ходила» настолько глубоко вошла в практику, что она иногда повторяется даже в случаях обмежеванных земель. Так, в купчей 1420—1430-х годов указана «межа земли от Шишкина врага от Мошина по огород», однако тут же фигурирует и формула «куде коса...».¹⁰¹

Можно назвать и другие случаи сочетания в грамоте этой формулы с обозначением межи.¹⁰²

На основании экспедиционных исследований, проводившихся в последние десятилетия XIX и в начале XX в. в Сибири и в северных районах Европейской России, А. А. Кауфман писал о заимках в лесной полосе: «В лесу просторно, соседей нет, ни с кем сталкиваться не приходится, паши где хочешь и сколько хочешь, владей „куда топор, соха и коса ходят“».¹⁰³ А. А. Кауфман явно преувеличивает, когда сравнивает сибирских крестьян-заимщиков с робинзонами на необитаемых клочках земли. Ведь он сам признает, что займщики входили в состав общины. Обобщая результаты сибирских исследований, А. А. Кауфман приходит к выводу, что, освоив известную территорию, община резервирует пользование ею только за своими членами — их она допускает, посторонних лиц она не допускает до занятия земли в черте освоенной ею территории.¹⁰⁴

¹⁰⁰ Заимка как основание прав черного крестьянина на землю удостоверяется источниками XIV—XVI вв. Так, в 1475—1476 гг. возник земельный спор между крестьянами деревни Фокиной и Белозерским монастырем. Крестьяне доказывали свои права тем, что они секли лес и косили спорную пожню: «А косили, господине, ту пожню еще отец паш Ермола и дед паш Остафей» (АСВР, т. II, № 229). Крестьяне выиграли дело у влиятельного монастыря.

Бывало и так, что в диком, никому не принадлежавшем лесу расчистку производили крестьяне, подвластные частному феодалу. В этом случае заимка попадала во владение последнего. В 1492 г. возник спор из-за полянки между черным и монастырским (Белозерского монастыря) крестьянами. Монастырский крестьянин говорил: «Яз ту полянку посек лес дичь, да пахал 12 лет». Рядом лежали земли, пожалованные Белозерскому монастырю «без отвода». Заимка в диком лесу позволила монастырю распространить власть на землю, освоенную его крестьянином (АСВР, т. II, № 287).

¹⁰¹ АСВР, т. II, № 63.

¹⁰² По мнению Н. П. Покровского, эта формула в центре России уже в XV в. была шаблоном. См.: Н. П. Покровский. Купчие, данные и меновые грамоты..., с. 79.

¹⁰³ А. А. Кауфман. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908, с. 245.

¹⁰⁴ Там же, с. 262—263. Особенно резко выражен взгляд на займщиков как на робинзонов у близкого к народникам историка и экономиста

Говоря о волости XIV—XVI вв., отметим, что община нередко допускала в свою среду посторонних людей, но при неизменном условии отбывания повинностей. Это, конечно, не нарушало ее земельных прав.

На основании богатого этнографического материала М. М. Ковалевский утверждал, что «начиная с охотничьих племен и переходя к тем, у которых появилось уже пастушество и земледелие, земля первоначально принадлежала племенам и составлявшим его тотемистическим группам и родам». Заимка производилась задругами, неразделенными или малыми семьями из этой племенной и земельной собственности.¹⁰⁵

Очевидно, заимки необязательно производились по отводу волости. Там и тогда, где и когда свободных земель было много, производилась и вольная заимка, причем заимщик не становился при этом Робинзоном, а входил в подчинение волости. Таким образом, поземельные права черной волости и волощан нельзя противопоставлять друг другу. Они дополняли друг друга и переплетались, создавая пеструю картину правовых отношений.

* * *

В тесной связи с землевладением черной волости находилась церковная земельная собственность на Севере. Ее возникновение и рост во многом обязаны доброй воле волостного мира. Даже постройка храма была делом рук волости, которая подряжала для этого «церковных мастеров», от плотника до богомаза включительно.¹⁰⁶ Набожность волостных людей проявлялась не только в строительстве церкви, но и в материальном ее обеспечении, состоявшем «или в виде отводимой церкви и причту земли, или в виде денежной руги, заменявшейся, впрочем, иногда натуральной повинностью, например обязанностью прихожан распахивать миром определенное количество церковной земли».¹⁰⁷ В складывании церковного землевладения волостной мир принимал самое деятельное участие. Он не останавливался на единовременной выдаче земель вновь сооруженной церкви, но и в дальнейшем расширял ее владения за счет волости.¹⁰⁸ Если земли покупались,

К. Р. Качоровского. См.: К. Р. Качоровский. Русская община. СПб., 1900, с. 99, 111.

¹⁰⁵ М. М. Ковалевский. Социология, т. II, СПб., 1910, с. 134.

¹⁰⁶ М. М. Богословский. Земское самоуправление, т. II, с. 24—25.

¹⁰⁷ Там же, с. 36.

¹⁰⁸ «Се аз соцкой шевденицкой Ефим Марков сын Кобелева, да яз десяцкой Брага Иवानов сын Васильева, да яз десяцкой Коробица Некрасов, да яз десяцкой*Павел Кондратьев сын Худяков ... да и все хрестьяне Шевденицкие волости дали есмь в дом великому чюдотворцу Никоде и преподобному Семиону ко храму в Тарнаской городок поженку Маслянку на реке на Кокшенге ... А сено с тое поженки с Маслянки косити, а подати за нее не давати никоторы: а што с тое поженки

то и тогда волостные крестьяне не были простыми наблюдателями, выступая участниками сделки. Так, видно, повелось издревле. Во всяком случае мы располагаем соответствующими данными, восходящими к середине XV в., т. е. к периоду Новгородской независимости. «Се купи, — значит в купчей, — Константин Федоров сын, и староста Княжестровской волости, и вси княжестровцы церковными кунами святой Богородицы у Харитона у Родионова сына у Захарки село земли па Княжестрове; орамой земли, и пожни, и двор, и дворище по старым межам, чем владел отец их, и топя, и лес на Лявленской стороны, межа по Верхнему ручью. А дали на том селе княжестровцы Харитону и сыну его Захарьи полсема рубли серебра, а пополонка полтретьяцать пузов жита семянного».¹⁰⁹ В данном примере земля приобретается на «церковные куны». И позднее, когда совершались аналогичные сделки, в купчих отмечалось: купля произведена на деньги, взятые из церковной казны.¹¹⁰ Но нередко волостной мир на собственные средства покупал земли для своей приходской церкви.¹¹¹ Имуществом церковным, движимым и недвижимым, заведовал староста, избираемый приходом. Он был обязан вершить всякие дела с общего приговора: «А что купит или продаст, или половников рядит, то все с мирского совету».¹¹² М. М. Богословский отмечал, что субъектом права на церковное имущество «являлся не приход в смысле приходского общества, а самый храм, в котором с непонятно уже нам теперь живостью воображения олицетворялся и с которым отождествлялся тот святой, чье имя храм носил».¹¹³ С формальной точки зрения, может быть, это и так. Но в повседневном быту возникали казусы, несовместимые с идеальным взглядом, по которому «имущество приходской церкви строго отличалось от имущества волости».¹¹⁴ Известны случаи, когда волость называла церковные земли волостными, распоряжалась ими, вызывая неудовольствие властей предрядящих.¹¹⁵

з году на год царю государю и великому князю Борису Федоровичу всяя Руси подати идет, и та подать в казну миром платити» (РИБ, т. XIV, с. 165—166. Данные датируются 1604 г.).

¹⁰⁹ ГВНП, № 164.

¹¹⁰ РИБ, т. XIV, с. 49—50, 78—79, 87, 121 и др.

¹¹¹ «Се яз Гаврило Фомин сын, староста церковной, да Перфрей Степанов сын, содкой, и во всех крестьян место Заостровские волости Архангельского приходу, купилю есмь у Опофрея у Иванова сына у Некраса землю его восьмую долю» (РИБ, т. XIV, с. 89; см. также с. 37—40, 162, 163).

¹¹² РИБ, т. XII, с. 829 (см. также с. 821, 822).

¹¹³ М. М. Богословский. Земское самоуправление, т. II, с. 36.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ В одной грамоте царя Бориса от 29 августа 1600 г., отправленной в Устюг, сказано: «...назвали дей (крестьяне Вондокурского стана, — *агр.*) Успенья пречистые Богородицы домовую деревню Борок своего Вон-

Распоряжаясь церковными землями, черная волость сдавала их в аренду («празга») или припимала половников, обязанных церкви рентой.¹¹⁶ Однако до поры до времени этими доходами, вне зависимости от их характера, распоряжалась черная волость в лице своих выборных представителей.

Высшие иерархи понимали, что для наведения желаемого порядка в церковном хозяйстве необходимо отставить мирских людей от распоряжения церковным имуществом и заместить их священниками. На эту радикальную меру первым пошел преосвященный Афанасий Холмогорский.¹¹⁷ Реформам 80-х годов XVII в. было положено начало разрушения старого характера отношений между церковью и волостью. «Эти реформы 1680-х годов, — писал М. М. Богословский, — лишали северный приход его самоуправления, его земского характера, придавали ему значение церковно-бюрократической областной единицы, в которой и причт, и хозяйственное управление организуется сверху, епископской властью. Мир устранился от живого участия в церковных делах, и земская жизнь разобщалась с церковной».¹¹⁸ Вместе с этим, добавим мы, церковная собственность теперь уже не формально, а реально отделялась от собственности волостной.

Окончательная экспроприация этой корпоративной чернососшной собственности произошла в XVIII в. В 1725 г. епископ устюжский Боголеп жаловался Синоду на злоупотребления церковных старост и просил предоставить ему право верховного управления и контроля над церковной собственностью, что и было предоставлено решением Синода ему и всем архиереям.¹¹⁹

докурского черного стану, а того не сказали, что та деревня пречистые Богородицы домовая, и отдали де ту деревню на лготу протодьякону Титу Шиганову на шесть лет, а взяли деи у протодьякона Тита под ту деревню Борок четыре рубли денег; а та деревня пречистые Богородицы домовая, а не Вондокурского стану черных деревень» (РИБ, т. XII, с. 142).

¹¹⁶ Исходя из этого, З. А. Огризко, которая посвятила церковному землевладению на Русском Севере специальную статью, охарактеризовала его как феодальное по преимуществу (З. А. Огризко. Землевладение севернорусских волостных церквей в XVII в. — История СССР, 1961, № 3, с. 74—75 и 80).

¹¹⁷ Афанасий предписал: «При сем же повелехом во всей нашей области оный душегленный вред исправить с волею всесвятейшего государя патриарха: и впредь у всякой церкви быть тое церкве священнику у всяких церковных вещей и потреб старостою да с ним, того прихода людей по выбору, мирскому человеку в товарищах ради хранения и собрании церковных казны и ради послушания, и ничего им без нашего архиерейского благословения по правилом святых Отец не деяти и по дружбе не расчотати» (РИБ, т. XIV, с. 473; М. М. Богословский. Земское самоуправление, т. II, с. 46).

¹¹⁸ М. М. Богословский. Земское самоуправление, т. II, с. 46.

¹¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 6, д. 357 (1725 г.); Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Т. V, СПб., 1881, с. 290—291.

Одним из трудных и пока нерешенных вопросов является возникновение на Русском Севере земельных переделов. А поскольку они пришли в черносошную деревню из светских, церковных и дворцовых вотчин, необходимо обратиться к этим последним. Здесь высокие повинности и запустение приводили к переходу от раскладки тягла по земле к разверстке земли по тяглу.

Писцовые книги 1580-х и 1620—1630-х годов и обыскные книги 1590-х годов рисуют картину сокращения тяглых наделов крестьян во много (иногда в десятки) раз по сравнению с первой половиной XVI в. При этом нередко крестьяне вместо заброшенной тяглой земли обрабатывали «лешние» участки, которые трудно было обнаружить и обложить, или брали землю на оброк, по договору, из поспоповой оплаты (часто шестой сноп), а порой за фиксированную плату.

Если крестьяне стремились сократить облагаемый земельный надел и таким образом «избыть» тягла, то землевладелец, наоборот, стремился учесть трудовые и хозяйственные ресурсы крестьянина и соответствующим образом увеличить его тягло и тяглый надел. Организация обложения крестьян, которая хорошо прослеживается по материалам крупных светских, церковных и дворцовых вотчин XVII в., отражает эти стремления феодалов. Здесь господствовала повытная система обложения владельческими повинностями. Вотчинная администрация или мирские власти устанавливали «семьянистость и прожиточность» каждого крестьянского хозяйства и соответственно определяли его тягло (выраженное обычно в вытах и долях выти и реже — в обжах и долях обжи).

Земельный надел должен был точно соответствовать вытному тяглу (у крестьянина, сидевшего на чети выти, непременно должен был быть надел, вдвое меньший, или, точнее, вдвое менее доходный, чем у крестьянина, сидевшего на полувыти).¹²⁰ Поэтому производились «надбавки» и «сбавки» земли в пределах вотчины или ее части. Данные о приведении земельного надела в соответствии с вытным тяглом до нас дошли уже от XVI в. Так, в касающейся дворцовых крестьян платежной книге 1588 г. говорится: «И дано па выть середние земли до семи десятии и худые земли по 8 десятии, и с теми десятины, что даны для посоиного хлеба. Сена крестьяном дано на живущие выти по 30 и по 40 копны, ... и лесу крестьяном дано па выть по две десятины с полудесятиною». В соответствии с этой нормой предусматривался передел: «А землями и луги, и лесом, и всякими угодыями верстатися

¹²⁰ А. Л. Шапиро. Переход от повытной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960. Киев, 1962, с. 207 сл.

крестьяном меж себя самим полосами или десятинами на всякую выть поровну, а не через землю, чтоб в крестьянях меж себя спору и брани не было ни которыми делы. А на пустые выти прикащику и старостам, и целовальникам, и всем крестьяном, селчаном и деревенщиком, называти жилцов на лготу: от отцов детей, от дядь племянников, или кто не буди заволостной».¹²¹ В других дворцовых волостях также полагалось на выть по 6 десятин доброй, 7 — средней и 8 — худой земли «с тою десятиною, которая дана пахать для посопного хлеба». В сотной 1583 г., относящейся к Владимирскому уезду, читаем: «А верстанися крестьяном и пашня делить меж себя полюбовно и ровню».¹²² Если земли тут было много (а в 1580-х годах и в этом районе ее было много), каждый крестьянин получал столько вытной земли, сколько он в состоянии был отягивать.

Переводя или «перезывая» крестьян и устанавливая им тягло, землевладелец также иногда требовал от общины наделения новоприходца соответствующим участком, что могло приводить к перераспределению наделной земли. Так, в 1652 г. переведенный из другой деревни на пустой участок в село Ивановское крестьянин боярина Морозова Михаил Козел жаловался, что ивановские крестьяне не выделили полностью положенный ему «осмак».¹²³

Прибавка и убавка угодий производилась в разных селениях Иверского монастыря в 1669, 1670, 1672, 1674, 1679 гг. (в Щученской волости, селе Рахино, Яжелбицах и др.).¹²⁴ Есть известия о частичных переделах и в дворцовом селе Шаморга Шацкого уезда при царе Алексее Михайловиче.¹²⁵

Б. Д. Греков подробно охарактеризовал применение системы развычивания с частичными переделами на Русском Севере, использовав документы Соловецкого монастыря. Так, в 1611 г. монастырские власти заново положили в обжи крестьян своей Сумской волости и переделали в соответствии с новым обежным окладом «орамую и кошебную землю».¹²⁶

¹²¹ Временник ОИДР, т. XI, с. 23.

¹²² С. Б. Веселовский. Акты писцового дела, т. I, с. 4.

¹²³ Акты хозяйства боярина Морозова. Ч. II. М.—Л., 1945, с. 29—30. Нам представляется, что при нынешнем состоянии вопроса следует проявлять большую осторожность в оценке связи между известными фактами перераспределения земли в частновладельческих вотчинах XVII в. и развитием там поземельной общины. Приведение земельного надела в соответствии с вытным окладом проводилось по приказу вотчинника как прикащиками, так и выборными старостами.

¹²⁴ Архив ЛОИИ СССР, ф. 181, карт. 48, д. 2, сст. 62, 45, 58; карт. 23, д. 1, сст. 52; карт. 25, д. 16, сст. 35; карт. 38, д. 2, сст. 54; карт. 44, д. 14, сст. 36; карт. 34, д. 9, сст. 12.

¹²⁵ Н. Куплевасский. Состояние сельской общины в XVII в. на дворцовых землях и на землях духовных и светских владельцев. Киев, 1877, с. 13.

¹²⁶ Б. Д. Греков. Что такое обжа. — Известия АН СССР, 1926, № 10—11, с. 1026.

К тому же времени (1612 г.) относится использованная А. Я. Ефименко веревная книга, рисующая совершенно новую систему обложения крестьян: волость самым детальным и скрупулезным образом измеряла земли, принадлежавшие крестьянским дворам, и в соответствии с размерами их земельных владений определяла тягло.¹²⁷ Такая система обложения не предполагала земельных переделов. Нам известно, что определение тягла по земельному владению, без «черного дела» (передела), практиковалось в черносошной деревне и в XVIII в.¹²⁸ Но, как отмечал М. М. Богословский, в XVII в. на Севере уже раздавались голоса, требующие передела земли по тяглу, причем это было как настоянием бедной массы, так и пожеланиями правительства.¹²⁹ Противодействие богатой верхушки деревни и посадка было столь значительным, что правительство долго не решалось на крутую ломку. В XVII в. в черносошной деревне переделы наблюдаются только при долевом владении и складничестве.¹³⁰

Лишь в XVIII—XIX вв. общинное землевладение с уравнительными переделами прочно вошло в быт северной черносошной деревни и подворное аллодиальное землевладение было полностью подорвано. Это, конечно, не значит, что общинной земельной собственности не существовало здесь ранее. Мы видели, что черная волость распоряжалась различными земельными угодьями и выморочными участками с древних времен. Но пахотными угодьями община стала на черносошном Севере распоряжаться значительно позже, чем в монастырских, светских и дворцовых вотчинах.

По вопросу о происхождении переделов на землях, не принадлежавших помещикам, в дореволюционной литературе велась дискуссия. Не имея здесь возможности остановиться на всей историографии этого важного вопроса, отметим спор, который перед самым 1917 г. вели А. А. Кауфман и М. А. Дьяконов. Оба автора считали, что практика переделов пришла на смену вольной заимке тогда, когда возникло земельное утеснение. Но, по мнению А. А. Кауфмана, в переходе к общинному землевладению фискальные интересы правительства и вообще административные

¹²⁷ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I, с. 212 сл.

¹²⁸ Интересное описание вервления в это время см. в кн.: П. И. Иванов. Пермская веревная книга, с. 248—249.

¹²⁹ М. М. Богословский. Земское самоуправление, т. I, с. 190—191.

¹³⁰ Правда, Н. В. Устюгов указывает на случай попытки земельного передела в 1660 г. у крестьян Адрьянова стана Двинского уезда, которые просили «сровнять орамы земли и поженные сennie покосы — добрые и средние, и худые — против иных волостей, чтоб никому в землях в переплате лишние тягости не было» (см.: Н. В. Устюгов. К вопросу о земельных переделах на Русском Севере. — Исторический архив, 1950, т. 5, с. 44). Думный дяк Алмаз Иванов запретил поравнение, указывая, что «такова образца, чтоб по челобитью одного стапу и без государева указу позволить вервить и землю ровнять не бывало». Здесь, очевидно, речь идет не о переделе земли, а о вервлении с целью переверстки тягла.

меры играли третьестепенную роль.¹³¹ М. А. Дьяконов, наоборот, поддерживал старую, чичеринскую, концепцию возникновения переделов из фискальных потребностей государства.¹³²

Мы уже видели, что развитие земельных переделов самым существенным образом связано с владельческими и государственными податями, поэтому никак не можем согласиться с А. А. Кауфманом, отодвигающим условия обложения на задний план. Но если все сводить к подобным интересам землевладельцев и государства, вряд ли можно объяснить, почему в одних случаях эволюция идет в сторону общинного, а в других — в сторону личного землевладения. М. А. Дьяконов говорил: «Немало усилий потрачено в литературе на решение этого вопроса. Но по сей день не найдено бесспорного ответа».¹³³ Это сказано было в 1916 г., но, к сожалению, и сейчас бесспорного решения вопроса в науке не найдено.

В поисках, которые несомненно будут предприняты советскими историками, рядом с эволюцией системы обложения владельческими и государственными повинностями первостепенное место должно быть отведено развитию производства и производственных отношений. Н. Е. Носовым и А. И. Копаневым ярко показано выделение в XVI в. на Севере богатой верхушки, сосредоточившей в своих руках немало земельных угодий, которое, однако, не привело к возникновению крупного земледельческого хозяйства, к возникновению более прогрессивных форм сельскохозяйственного производства. Крупное землевладение Амосовых, Прощелькиных и других северных богачей основывалось на мелком хозяйстве их половников. А последнее оставалось на том же экономическом уровне, что и хозяйство самостоятельных владельцев. Если бы это было не так, общинная форма землевладения вряд ли могла бы одолеть подворную.

Мы полагаем, что общинно-передельное землевладение победило на Севере в XVIII—XIX вв. потому, что капиталистические отношения не укоренились там сколько-нибудь прочно. В противном случае и государству не были бы выгодны переделы, и беднота не смогла бы добиться их введения.¹³⁴

А. А. Кауфман и многие другие исследователи XIX—начала XX в. считали, что общинное землевладение в условиях постепен-

¹³¹ А. А. Кауфман. Русская община., с. 257.

¹³² М. А. Дьяконов. Отзыв о сочинении проф. А. А. Кауфмана: «Русская община в процессе ее зарождения и роста». Пг., 1916, с. 90.

¹³³ Там же, с. 74.

¹³⁴ То же можно сказать и о случаях победы маломочных над прожиточными в монастырских вотчинах. Нам известны случаи, когда после перехода вотчины из дворцового ведомства во владение Иверского монастыря по челобитью маломочных назначались земельные переделы. В них были заинтересованы монастырские власти. Архив ЛОИИ СССР, ф. 181, карт. 25, д. 16, сст. 33; карт. 23, д. 1, сст. 52; карт. 34, д. 9, сст. 10, 12; карт. 44, д. 14, сст. 36, 43; карт. 48, д. 2, сст. 58—59, 60.

ного земельного утеснения побеждало там, где крестьянам было присуще убеждение в том, что земля ничья, божья, государева и каждый имеет равное право черпать из нее средства существования.

Мы полагаем, что крестьянская идеология должна приниматься во внимание, когда речь идет о трансформации общины и введении общинных переделов. Но при этом надлежит учитывать противоречивость крестьянских взглядов на земельное владение и условия, в которых те или иные взгляды возникали и удерживались.

Нам кажется, что в условиях древней дофеодальной общины сложились представления о праве каждого общинника на землю, которое материализовалось в старинном обычае отвода земель всем членам общины, пожелавшим и способным ее обрабатывать. К. Р. Качоровский, изучавший взгляды крестьян в конце XIX в., говорил, что им бесспорно было присуще представление о праве па земледельческий труд.¹³⁵ М. А. Дьяконов не отрицает этих воззрений, но считает, что их не существовало в Древней Руси. Кто из монастырских детенышей, бобылей, захребетников, вольных гулящих людей претецдовал на равное с другими право получить участок земли, спрашивает он.¹³⁶ Но, во-первых, эти люди очень часто претецдовали на землю и получали ее у общинных властей. А, во-вторых, они сами появились довольно поздно. Вряд ли можно отрицать право членов черной волости, их детей, внуков, зятьев, даже приемышей на земельный отвод. Во всяком случае такой отвод, как мы видели, производился.

Наряду с правом на труд па земле, которое, вероятно, возникло в глубокой древности, у черносошных крестьян, занимавших большими или малыми семьями свободные земли, сложилось представление о праве на освоенную их трудом и окультуренную ими землю. Наблюдатели крестьянской жизни XIX—XX вв. называли его «трудовым правом» и отметили столкновение «трудового права» и «права на труд», или, иначе говоря, столкновение людей малоземельных, стремившихся вложить труд в обработку земли, и многоземельных, старавшихся удержать в своих руках землю, уже освоенную их трудом.

Можно также добавить, что в черной волости уже в XIV—XVI вв. в представлениях крестьян окрепли взгляды на правомочность владения купленной или приобретенной другими законными способами землей, даже если эти владения далеко выходили за рамки трудовых возможностей крестьянина. Богатая часть крестьянства отстаивала правомерность только последнего представления. Но ни в XVII, ни в XVIII, ни в XIX в. оно не в силах было вытравить в сознании крестьянской массы старинные идеи трудо-

¹³⁵ К. Р. Качоровский. Русская община, с. 179, 230.

¹³⁶ М. А. Дьяконов, ук. соч., с. 77.

вого права и права на труд. Это обстоятельство должно быть учтено при решении сложного вопроса о причинах победы общинно-передельного землевладения на русском черносошном Севере.

* * *

Одной из форм держания земли являлась крестьянская аренда. И хотя она не может быть отнесена к формам землевладения, нам хотелось бы на ней остановиться, так как арендная форма держания соприкасается с такими формами, которые приходится относить к владению землей.

Арендные договоры между землевладельцем и крестьянином уже с древних времен отмечаются в источниках рядом с тяглом, которое в одностороннем порядке налагается господином, и рядом с соглашениями, по которым крестьянин, добровольно садясь на землю, превращается в тяглеца. В дореволюционной историографии имела широкое хождение теория, согласно которой до полного закрепощения крестьян они все были вольными арендаторами. Заслуживает критики эта концепция. Средневековые крестьяне были не арендаторами, а тяглецами, на них распространялись те или иные формы внеэкономического принуждения.

Но это не значит, что арендные отношения вовсе не встречались в средневековой Руси. В «наим» крестьяне уже в XIV—XV вв. брали различные угодья: пашни, сенокосы, леса, тони.¹³⁷ Арендные отношения сплетались в сложную сеть взаимосвязей между волостными крестьянами и феодальными вотчинниками, между частновладельческими крестьянами и черной волостью. Иногда крестьяне брали на оброк земли у своего собственного вотчинника, иногда — у правительственных учреждений. С развитием помещичьего землевладения арендные отношения устанавливались между крестьянами и помещиками, которые не сами хозяйствовали на вновь полученных землях.¹³⁸ Не чем иным, как обыденностью арендных операций, следует объяснить установление общепринятых цен за каждую десятину определенного вида угодий.¹³⁹

¹³⁷ АСВР, т. I, № 340, 397, 431, 538, 588, 593, 607; АСВР, т. II, № 404; АСВР, т. III, № 208; АФЗХ, т. I, № 103, 140; РИБ, т. XII, стр. 57; РИБ, т. XIV, с. 90.

¹³⁸ «Пожалован он, Михайла, поместьем в Володимирском уезде полвиною села Мещерок, а велено Михайлу на той пустоши селитца, и двор ставити, и пашня розпахивати. И он, Михаил, ту пустошь отдал в наем боярина Степана Васильевича крестьяном Онисимку Ефимову да Оношке Давыдову, а взял на той пустоши нанму полтретья рубли» (АФЗХ, т. III, № 108).

¹³⁹ «...и ты б Василью Соболеву у Федора у Шишкина велел взяти за ту пашню наем по розчету за чистую землю за десятину по тамошней цене, почему чистыя земли неоранные крестьяне десятину наимуют, а за

Особенно широкое распространение сдача земли на оброк за фиксированную денежную плату или из пятого снопа (или шестого) получила в последнюю треть XVI в., когда разоренные крестьяне забрасывали переобремененную податями тяглую землю. Аренда имела для крестьян то преимущество, что объем платежей был фиксированным и относительно невысоким. А феодалы и государство вынуждены были сдавать земли в аренду, чтобы они не лежали впусте. Но они старались перевести эти земли в тягло и оговаривали иногда срок аренды «до тяглеца». Аренда владельческими крестьянами земель (у своего вотчинника и вне его владений) была распространена и в XVII в. весьма широко. У нас есть данные о такой аренде в вотчинах Безобразова, Одоевского, Морозова, Волинских,¹⁴⁰ в вотчинах Троице-Сергиева,¹⁴¹ Спасо-Прилуцкого,¹⁴² Кирилло-Белозерского,¹⁴³ Иверского,¹⁴⁴ Покровского Суздальского,¹⁴⁵ Спасо-Евфимьевского¹⁴⁶ и Соловецкого монастырей.¹⁴⁷

В вотчинах боярина Б. И. Морозова в иных случаях земли и угодья арендовались одним крестьянином, в других же — миром. Так, в селе Косяеве на пустошах пашню и луга косят «крестьяне же села Косяева и деревни Ларионовой».¹⁴⁸ В селе Реброве Галицкого уезда оброк за мельницу берется у старосты и у крестьян,¹⁴⁹ мельница в Князем на оброке у крестьян этой деревни,¹⁵⁰ крестьяне (без указания — кто) берут 56 пустошей в оброк в Волоколамском уезде.¹⁵¹ Там же сказано о пустошах, ловлях и

переложную землю, что Федор розпахивал ко сту седмому году, против чистые же земли за десетину» (АФЗХ, т. III, № 165).

¹⁴⁰ А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М., 1929, с. 108, 169—170; Ю. Арсеньев. Ближний боярин кн. Никита Иванович Одоевский и его переписка с галицкой вотчиной. ЧОИДР, 1903, кн. I, с. 63—64, 110—111; Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. I. М.—Л., 1940, с. 12, 17, 23—25 сл.; ГБЛ, ф. 57 (Волинские), карт. 2, №№ 43, 47, 54.

¹⁴¹ Переписные книги Троице-Сергиева монастыря — В кн.: Памятники социально-экономической истории Московского государства XVI—XVII вв. М., 1929, с. 273.

¹⁴² Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVII в. М.—Л., 1959, с. 161—162.

¹⁴³ И. М. Катаев и А. И. Кабанов. Описание актов собрания гр. А. С. Уварова. М., 1905, с. 377—378.

¹⁴⁴ Акты Иверского Святоозерского монастыря. СПб., 1878, № 19, 25, 30, 37, 78, 102, 129, 153, 175.

¹⁴⁵ И. М. Катаев и А. И. Кабанов. Описание актов собрания гр. А. С. Уварова, с. 258, 269.

¹⁴⁶ Там же, с. 290, 465.

¹⁴⁷ А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII в. Пермь, 1927, с. 174—175.

¹⁴⁸ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, ч. I, с. 11.

¹⁴⁹ Там же, с. 23—25.

¹⁵⁰ Там же, с. 36.

¹⁵¹ Там же, с. 39—40.

мельницах в селе Старое Покровское Нижегородского уезда.¹⁵² 29 пустых дворов в селе Сергач па оброке у крестьян дер. Ключевой,¹⁵³ рыбные ловли, бобровые гоны и мельницы сданы из оброка крестьянам отдельных деревень, тянущих к селам Знаменскому и Покровскому в Арзамасском уезде,¹⁵⁴ то же — в селах Уварово,¹⁵⁵ Городня¹⁵⁶ Тверского уезда. В других же случаях упоминаются конкретные крестьяне, арендующие рыбные ловли, перевозки, мельницы, борти, покосы.¹⁵⁷ Трудно выяснить в каждом случае, арендуют ли ту или иную пустошь крестьяне всем миром или лишь группа крестьян. Но показательно, что и в последнем случае мир в такой аренде бывает заинтересован и челобитье идет от имени старосты и всех крестьян.¹⁵⁸

Посмотрим теперь, какую картину представляет село, в котором лишь часть крестьян арендует пустую землю. Возьмем село Благовещенское Переяславского уезда Троице-Сергиева монастыря в 1612 г. Всего в селе 15 дворов, из них один пашет $\frac{1}{8}$ пустоши на льготе. Из остальных дворов 5 во главе со старостой берут пустошь на оброк, 9 — не берут. Соотношение тяглой и оброчной запашки выглядит так: у старосты было $\frac{1}{2}$ выти оброчной и $\frac{1}{4}$ выти тяглой земли; у 4 крестьян — по $\frac{1}{4}$ выти оброчной и по $\frac{1}{8}$ выти тяглой земли; у 9 крестьян, не бравших оброчной земли, — по $\frac{1}{4}$ выти тяглой.¹⁵⁹

Когда речь идет о непосредственной связи наличия оброчной земли с благосостоянием крестьянского двора, следует быть чрезвычайно осторожным. Но мы можем выделить тенденцию в крестьянской аренде, явно связанную с расслоением крестьянства. Это прослеживается по многим конкретным арендным договорам.¹⁶⁰ Зачастую богатые крестьяне стремились перехватить землю у менее зажиточных, пользуясь практикой оброка «из наддачи». Так, например, крестьянин деревни Баскакова И. Степанов жаловался вотчиннику князю Одоевскому на своего односельца: «Держал я, сирота твой, на откупу многие годы помесную пустошь костромитина Федора Волкова, и росчистил я, сирота твой, на той пустоши под пашню многую землю, а ныне, государь, тое мою откупную пустошь перекупил у меня того ж села Покровского, деревни Базеева крестьянин Иван Киприянов. А ту, государь, исстари деды и отцы наши пустошь держали на откупу, а ныне, государь, он, Иван, хотя нас, сирот твоих, изгнать

¹⁵² Там же, с. 43—44.

¹⁵³ Там же, с. 46.

¹⁵⁴ Там же, с. 69.

¹⁵⁵ Там же, с. 70.

¹⁵⁶ Там же, с. 82.

¹⁵⁷ Там же, с. 57, 90 и далее.

¹⁵⁸ Например, челобитье о мельничной аренде. Там же, с. 123.

¹⁵⁹ Памятники социально-экономической истории Московского государства, XVI—XVII вв., с. 273.

¹⁶⁰ А. Н. Сахаров. Русская деревня в XVII в. М., 1966, с. 122—123.

и ту пустошь перекупить, а мы, государь, тою пустошью и сыти». Вотчинник постановил не велеть ответчику перекупать, если та пустошь у истца из «урочных лет не вышла».¹⁶¹ Богатые крестьяне, тяготясь рамками тяглого хозяйства, забрасывали свои тяглые участки, арендуя землю па стороне. Одной из обязанностей приказчика, как отметил еще А. С. Лаппо-Данилевский, было наблюдать, чтобы сильные крестьяне своих участков впусто не писали и не пахали пашен на стороне у других владельцев. Такая же забота возлагалась и на писцов в черных землях: «А будет которые крестьяне пашню пащут на сторонах, нанимают у монастырей и у всяких людей мимо государевых земель, и свои будут у них в государевых черных землях пашни лежать впусте, и тех людей в том подавать на прежния поруки с записьми, чтоб им впредь свою тяглую пашню пахать всю, а впусте ее не положить... а на сторонах им пашни мимо своих пашен пахать не велеть, чтоб государевы земли впредь впусте не были и лесом не поросли». Исключение делалось лишь для «изможных людей», сполна пашущих тяглую пашню.¹⁶²

За индивидуальной арендой мог стоять и наем рабочей силы. Если, например, крестьянин Иосифова Волоколамского монастыря Петр Пронин оброчил у Иверского монастыря рыбную ловлю на Ильмене «зимою ловить неводом шестнадцати человеки, а летом ловить четырма неводами, по четыре человека в неводу» за 16 руб. в год, то следует полагать, что он пользовался наемной силой.¹⁶³ Но на арендованных пахотных угодьях применения крестьянами-арендаторами наемного труда в XVII в. не заметно.

По документам XVII—начала XVIII в., относящимся к крупным вотчинам, видна другая тенденция. Крестьянский мир, часто вопреки стремлениям отдельных своих членов, стремится присвоить себе монопольное право на использование не входящих в тяглую землю угодий на более выгодных, чем тягло, условиях аренды. Такой вид внутривотчинной аренды означал ведение крестьянского хозяйства на сравнительно выгодных условиях и зачастую был необходимым фактором воспроизводства этого хозяйства. Власти Иверского монастыря указывают отдать в оброк рыбные ловли «папим жа крестьяном или сторонним охочим людем, как бы нашей казне было прибыльнее».¹⁶⁴ Государственные угодья также отдавались в оброк «из наддачи».¹⁶⁵ Но в некоторых монастырских вотчинах хорошо прослеживается борьба крестьян

¹⁶¹ Ю. Арсеньев, ук. соч., с. 110—111.

¹⁶² Тотемский писцовый наказ 153 г. Цит. по: В. Седашев. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси XVII в. М., 1912, с. 62.

¹⁶³ Акты Иверского Святоозерского монастыря, № 175.

¹⁶⁴ Там же, № 19, 25.

¹⁶⁵ Пункты 25, 27 и 35 Валового писцового наказа. В. Седашев, ук. соч., с. 152—156.

против передачи на сторону за большой оброк земель и угодий, брать которые крестьяне считали своим правом и своей монополией. Так, в 1662 г. крестьяне Шученской волости Иверского монастыря жаловались властям на строителя, что он, «не устояв в своем слове, рыбные ловли озера отдал на сторону Петрашке Жигалову, а нам отказал, и тем нас всех запер». ¹⁶⁶

В первой половине XVIII в. аренда земель и угодий миром, по крайней мере в монастырских вотчинах, широко распространена. Так, если в XVII в. в Иверском монастыре аренда была как мирская, так и групповая и индивидуальная, ¹⁶⁷ в первую треть XVIII в. есть тенденция к преобладанию аренды мирской. ¹⁶⁸ Такие же явления наблюдаются и в бывших вотчинах Троице-Сергиева монастыря, приписанных вместе с Иверским к Александро-Невскому монастырю. ¹⁶⁹ В документах Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря в 1646 г. упоминается об аренде сенокосов монастырскими крестьянами, без указания на мирской характер аренды. В 1730 г. об аренде мельницы говорится как об аренде всеми крестьянами, а описание монастырских вотчин 1762 г. указывает на мирскую аренду рыбной ловли на р. Нерли, пустых земель и сенокосов, которыми «они ж, села Санина з деревнями все крестьяне, довольствовались». ¹⁷⁰

Вотчинники, естественно, стремились, чтобы крестьяне брали землю прежде всего у них. Но крестьяне иногда арендовали пустоши на стороне. ¹⁷¹ Для крестьянского хозяйства между этими двумя видами аренды не было существенной разницы, так как и та и другая позволяла поддерживать нормальное воспроизводство

¹⁶⁶ Акты Иверского Святоозерского монастыря, № 153.

¹⁶⁷ Старорусский крестьянин П. Слегов (Акты Иверского Святоозерского монастыря, № 78), группа крестьян Черенчицкого погоста, группа крестьян дер. Загорья (Архив ЛОИИ СССР, ф. 181, карт. 40, д. 6, сст. 65; карт. 12-а, д. 22; карт. 47, д. 22, сст. 38).

¹⁶⁸ Крестьяне с. Боровичи арендовали пустоши у посторонних помещиков миром и в 1670, и в 1727 г. Архив ЛОИИ СССР, ф. 181, карт. 25, д. 16, сст. 93—94; ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 1, д. 3 (1716 г.), л. 57—58; д. 50-а (1716 г.), л. 20 об.—21.

¹⁶⁹ В с. Медна арендовали миром многие пустоши, оброк с них составлял 47 руб. (окладные сборы 178 руб. 5³/₄ коп.); так же оброчили пустоши и угодья крестьяне сел Кошелева, Щапова (в 1715 г. последние просили на оброк покосы, в 1725 г. отказались от них), Присеки, Борисоглебского, разных деревень села Прилуки. ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 4, д. 198 (1726 г.), л. 16—20, 23; д. 62 (1726 г.), л. 3—4; д. 236 (1725 г.), л. 18—27; д. 195 (1728 г.), л. 1—4; д. 137 (1728 г.), л. 11—12; д. 312 (1726 г.), л. 129—130.

¹⁷⁰ И. М. Катаев и А. И. Кабанов. Описание актов собрания гр. А. С. Уварова, с. 290, 320—324.

¹⁷¹ Восприимая указания на «земельную скудость» как причину крестьянской аренды, следует иметь в виду, что для крестьян играло роль не столько абсолютное, сколько относительное малоземелье — недостаток в земле, которой они могли бы пользоваться на более выгодных условиях.

крестьянского хозяйства при более низкой, сравнительно с тяглой землей, норме отчуждения прибавочного продукта. Есть некоторые указания на то, что с «посторонних помещиковых земель» крестьяне села Боровичи платили в монастырь восьмой сноп.¹⁷² Но, видимо, такой порядок не был повсеместным. Важно, что вотчинник в известных случаях вынужден был не препятствовать крестьянам поддерживать и укреплять свое хозяйство арендой на стороне.

Поскольку речь идет об оброчных арендуемых крестьянами черных землях, следует отметить, что арендаторы стремились обратить их в свое наследственное владение и иногда это им удавалось.

Н. Е. НОСОВ

О ДВУХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНОГО
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ
В XV—XVI вв.

(К постановке вопроса)¹

Крупное землевладение — основа феодального строя. Так было в период становления и развития феодализма в большинстве европейских государств, но крайней мере до XV—XVI вв. Дальнейшая история европейского континента таит в себе серьезные перемены. В наиболее развитых европейских странах уже с XVI в., с развитием промышленности и городов, явно заметны тенденции к «обуржуазиванию» феодальной собственности, в других еще побеждает феодальная реакция. Последний процесс нередко трактуют как «рефеодализацию». Я не уверен, что это определение правильно. Но я согласен с теми исследователями, которые

¹⁷² ЦГИА СССР, ф. 815, оп. 4, д. 25 (1727 г.), л. 1 об.

¹ В основе настоящей статьи лежит мой доклад по вопросам истории феодального землевладения в России XV—XVI вв. на V Международном конгрессе экономической истории в Ленинграде в августе 1970 г. Статья непосредственно связана и с другой моей работой — «Русский город и русское кучество в XVI столетии. (К постановке вопроса)» (в кн.: Исследования по истории социально-политической истории России. Л., 1971, с. 152—177). Цель обеих статей — показать на примере как русской аграрной истории, так и, особенно, истории русского города борьбу двух тенденций в развитии социально-экономического строя России XV—XVI вв., а именно феодально-крепостнической (по преимуществу дворянской) и буржуазной (крестьянско-посадской). Эта проблема очень сложна и крайне слабо разработана в советской и зарубежной историографии. Поэтому, предлагая в порядке дискуссии свое решение поставленных в статье вопросов, я стремился привлечь внимание исследователей на необходимость их дальнейшего аналитического изучения. Именно это мне хочется подчеркнуть.